

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ

*Сборник статей по материалам
XXIX международной научно-практической конференции*

№ 9 (29)
Октябрь 2013 г.

Издается с марта 2011 года

Новосибирск
2013

Ответственный редактор: Гулин А.И.

Председатель редакционной коллегии:

Карпенко Виталий Евгеньевич — канд. филос. наук, доцент кафедры философии и социологии Сумского государственного педагогического университета им. А.С.Макаренко.

Редакционная коллегия:

Гужавина Татьяна Анатольевна — канд. филос. наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий ФБГОУ «Череповецкий государственный университет»;

Курченко Константин Владимирович — канд. ист. наук, доцент кафедры естественно-гуманитарных дисциплин Смоленского филиала ФБГОУ ВПО «Российский государственный торгово-экономический университет»;

Прошин Денис Владимирович — канд. ист. наук, доцент кафедры политологии и социально-гуманитарных наук Днепропетровского университета имени Альфреда Нобеля;

Соловенко Игорь Сергеевич — канд. ист. наук, доцент кафедры экономики и автоматизированных систем управления Юргинского технологического института (филиал) Томского политехнического университета;

Сорокин Александр Николаевич — канд. ист. наук, доцент, старший научный сотрудник, заместитель председателя Совета молодых ученых ФБГОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет», старший преподаватель кафедры социологии, психологии и права, ФБГОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский политехнический университет».

А 43 Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. № 9 (29): сборник статей по материалам XXIX международной научно-практической конференции. — Новосибирск: Изд. «СибАК», 2013. — 94 с.

Учредитель: НП «СибАК»

Сборник статей «Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

При перепечатке материалов издания ссылка на сборник статей обязательна.

Оглавление	
Секция 1. Политология	5
1.1. История социально-политических учений зарубежных стран	5
ЭКСПАНСИОНИСТСКИЕ ДОКТРИНЫ ЯПОНИИ И МЕСТО КОРЕИ В НИХ Эсаулова Дарья Евгеньевна	5
1.2. Социология и психология политики	11
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ УЧАСТНИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА Жуковский Александр Владимирович Соловьёв Алексей Васильевич	11
Секция 2. Социология	20
2.1. Методология и методика социологического исследования	20
«ИНТЕРНЕТ-ФОРУМ» О ДОШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ Прошкова Зоя Вячеславовна	20
2.2. Социология управления	28
ТИПОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ПРИЗНАКУ ГОТОВНОСТИ К ИЗМЕНЕНИЯМ Халитова Инна Валерьевна	28
Секция 3. Философия	39
3.1. История философии	39
ДВА ТИПА РЕЛЯТИВИЗМА В ДИАЛОГЕ ПЛАТОНА «ТЕЭТЕТ» Зеленский Олег Александрович	39
ГРЕЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ В ЛАТИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ: ТРАДИЦИЯ РЕЦЕПЦИИ Содомора Павел Андреевич	45
3.2. Онтология и теория познания	50
ТЕСТЫ ТЬЮРИНГА И ГЛОБАЛЬНЫЕ СЕТИ. ОТГОЛОСКИ ИЛИ ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ? Соломин Олег Олегович	50

3.3. Философские проблемы образования	56
ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ИНКЛЮЗИИ: ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД Макарова Инна Анатольевна	56
Секция 4. История	61
4.1. История России	61
ИДЕИ ШЕЛЛИНГА В РОССИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА Константинова Людмила Владимировна	61
ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ ПИТАНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ ИМАНСКОГО УЕЗДА ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ЗАСЕЛЕНИЯ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ Самохина Людмила Сергеевна Отставная Людмила Александровна	67
4.2. Этнология	75
ОСОБЕННОСТИ КУЗНЕЧНОГО ремесла НА ГУЦУЛЬЩИНЕ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА) Городецкий Виталий Иванович	75
4.3. Археология	83
ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО АЛТАЯ Соенов Василий Иванович	83

СЕКЦИЯ 1.
ПОЛИТОЛОГИЯ

**1.1. ИСТОРИЯ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ
ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

**ЭКСПАНСИОНИСТСКИЕ ДОКТРИНЫ ЯПОНИИ
И МЕСТО КОРЕИ В НИХ**

Эсаулова Дарья Евгеньевна

аспирант,

Новосибирский государственный университет экономики и управления,

г. Новосибирск

E-mail: daria.esaulova@gmail.com

**JAPAN'S THEORIES OF EXPANSION
AND KOREA'S ROLE IN THEM**

Esaulova Daria

post-graduate Novosibirsk State University of Economics and Management,

Novosibirsk

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются ключевые теории внешней политики Японии периода Мэйдзи. Особое внимание уделяется роли Кореи в экспансионистской политике Японии.

ABSTRACT

Key aspects of Meiji Japan is under consideration in this article.

Ключевые слова: Кокутай. Паназиатская теория. Теория экспансионизма. Японский милитаризм. Ито Хиробуми.

Keywords: Kokutai. Pan-Asia theory. Theory of expansion. Japan military policy. Ito Hirobumi.

В течение длительного периода изоляции Японии в эпоху Эдо (1603—1868 гг.) когда страна была полностью закрыта от иностранного влияния, сформировалась та культурная эндемика, которая способствовала развитию особых жанров в культуре и искусстве, ментальности. Изоляция Японии оказала значительное влияние, помимо прочего, и на формирование общественно-политической мысли японского общества.

В 1850-х годах произошло насильственное открытие Японии европейцами, что привело к формированию негативного отношения к «белой нации».

В японском сознании прочно укрепилась идея о богоизбранности японской нации, ведущей своё начало от богини Аматэрасу. Эта концепция получила название «кокутай» (国体: «коку» — страна и «тай» — тело). Центральная идея «кокутай» — это исключительность Японского государства и японской нации: уникальное геополитическое положение, идеальная система государственного устройства, превосходство самого народа над всеми остальными народами мира [2, с. 80]. Всё это нашло отражение в формировании особого экспансионистского курса внешней политики страны.

Так, была сформулирована «теория азиатской солидарности». Япония, на основании своих выдающихся достижений в культуре, технике, военном деле, превозносила себя на фоне остальных азиатских стран — Китая, Кореи, Монголии и других. Выступая «старшим братом» другим народам Азиатско-Тихоокеанского региона, японское правительство пыталось обосновать свои претензии на гегемонию в регионе, заявляя, что пытается защитить братские народы от «белого империализма». Постепенно концепция «кокутай» трансформировалась в теорию азиатской солидарности — «8 углов пагоды под одной крышей». Восемь углов означает количество народов Азии. Пагода (от санск. *bhagavat* — «священный») — это культурная универсалия стран Дальнего Востока. Пагода несет в себе символ цикличности, повторяемости, что характерно для менталитета народов Востока. Этот образ подчеркивает единение, сходство азиатских народов в противостоянии Западу. В качестве «крыши», несомненно, выступает сама Япония.

Изначально смысл, вкладываемый в эту теорию, носил мирный характер. Целью этого «объединения» было противостояние чуждому влиянию извне и защита культурной идентичности. Япония уже достигла определенных успехов в области модернизации, и ставила целью стать примером для народов Азии и помочь им в этом.

Одной из стратегических целей японского правительства было преодоление отставания научно-технического и экономического развития по сравнению со странами Западной Европы и США. Как результат, была разработана доктрина «фукоку кэхэй» (富国強兵), т. е. «богатая страна — сильная армия». Один из способов достижения этого богатства для обеспечения военного превосходства было наращивание темпов производства, в том числе, используя западные научные достижения и технологии. Эта доктрина стала началом формирования агрессивного экспансионистского внешнеполитического курса Японии.

Вышеупомянутые факторы — формирование в обществе представления об исключительности японцев, активное наращивание производства, иностранное проникновение в страну способствовало росту шовинистских настроений и появлению организаций сторонников милитаризма экспансии в соседние страны. Наиболее известные и активные из них — это общества «Гэньёся» и «Кокурюкай».

Общество «Гэньёся» было основано в 1879 году Тояма Мицуру. Название этой организации переводится как «общество Чёрного океана». Чёрный океан — это название пролива, который разделяют материк и остров Кюсю. Тояма Мицуру заявлял: «Чтобы цветная раса могла сопротивляться европейцам и американцами, необходимо создать милитаристское государство. Наша страна очень быстро поднимается как новое государство Востока. Она должна лелеять надежду в будущем возглавить Восток и вести его за собой» [4, с. 31].

Второе общество — «Кокурюкай» («общество Чёрного дракона») было создано в начале 1901 года, незадолго до аннексии Кореи Японией. Основатель этого общества — Утада Рёхей, занимался организацией подрывной деятельности после восстания тонхак. Своей целью общество «Кокурюкай» ставило аннексию Кореи [4, с. 31].

С 1917 года, после победы Октябрьской революции в России, наблюдается рост антикоммунистических настроений в японском обществе и во внешней политике государства.

К 1930-м годам была сформирована националистическая концепция «кодо» (皇道派, «императорский путь»), оказавшее наибольшее влияние на формирование внешнеполитического курса Японии предвоенного периода. Целью Японии, по-прежнему, виделась

сдерживание распространения западного влияния в регионе. Основателями этого течения были Садао Араки и Дзиндзабуро Асаки [1, с. 30—31]. Помимо вышеуказанных ультрашовинистских организаций, в Японии в то время были и другие сторонники экспансионизма.

Все эти теории стали идеологической базой подготовки Тихоокеанской войны и активной политикой экспансии Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В японском правительстве, несмотря на единство в общей тенденции — проведении милитаристской политики, не было единства о приоритетном курсе экспансии — на север — в Китай и далее в Корею, или на юг — Филиппины, Сингапур. Кроме того, среди идеологов экспансионизма не было единства в вопросе политики захватов. Сторонники первой линии — Сайго Такамоти, Это Симпэй, Гото Содзиро, Созэзима Танэоми, Итагаки Тайскэ — считали, что необходимо действовать жестко, путём военных захватов. Их оппоненты, вторая линия — Кидо Такаёси, Окубо Тосимити, Ивакура Томоми, Ито Хиробуми — придерживались умеренной позиции, осознавали финансовую и экономическую слабость Японии для осуществления экспансионизма.

Так, Ямагата Аритомо и так называемая «четвёрка Ямагаты» (Кацура Таро, Кодама Гэнтаро, Тэраути Масатакэ, Танака Гиити) считали, что «независимость и самосохранение нации, прежде всего, зависит от защиты линии суверенитета, а также от защиты линии интереса», поэтому Японии необходимы вооружение и сферы влияния [3, с. 83]. В середине 1890-х гг. Ямагата Аритомо был уверен, что Япония готова к сражению с Китаем за Корею, по его мнению, «пришло время проучить заносчивых корейцев». 1 августа 1894 г. японские и китайские войска оккупировали Сеул и некоторые порты, но после совместного выступления французских, немецких и российских войск целью давления на Японию, Ямагата понял, что японский милитаризм ещё не готов к монопольному обладанию Кореей.

В 1898 г. министр иностранных дел Японии, основатель университета Васэда Окума Сигенобу выдвинул паназиатскую концепцию, получившую название «доктрина Окума», являвшейся японским вариантом «доктрины Монро», или «Азия для азиатов» [4, с. 31]. Суть этой теории выражается в том, что Япония должна осуществлять в Азии две функции: во-первых — содействовать модернизации и просвещению Азии, а во-вторых, препятствовать проникновению в регион западных держав. В связи с этим министр Окума являлся ярким противником происходившего в то время соперничества стран Запада за раздел сфер влияния в Китае, будучи уверенным,

что единственная страна, которая должна обладать полным, безраздельным контролем над Китаем — это Япония [3, с. 83].

Политический соперник Окума, Ито Хиробуми, будущий генерал-губернатор Кореи, сформулировал идею «японского экспансионизма демократического образца». «Демократия» призвана была завуалировать недостаточную для окончательного завоевания Кореи мощь вооружённых сил Японии. Во время японо-китайской войны 1894—1895 гг. Ито был сторонником тотального господства Японии в Корее. Ито Хиробуми заявлял: «Я всегда говорил, что жизненной необходимостью для Японии является обладание мощными армией и флотом» [3, с. 42]. Он выступал за построение особой модели отношений Японии и Кореи по образцу сосуществования Великобритании и С.Ирландии в рамках Соединённого королевства, убеждал остальных в том, что в отношении Кореи необходимо придерживаться более мягкой политики, позиционируя протекторат как попытку помочь Корее. 21 декабря 1905 г. он был назначен на пост генерал-губернатора Кореи.

Наиболее жесткую позицию в отношении Кореи занимал идеолог японского шовинизма, автор книги «Пробуждение Японии» Окакуро Какудзо, выдвигавший лозунги «За оружие! Долой варваров!». В то же время прослеживаются и его противоположные заявления «Нет ничего очевиднее, чем неизменность желания нашего правительства к поддержанию мира. Сама суть нашей цивилизации отрицает агрессию». Однако эта тенденция присуща колониальной политике Японии в Корее в целом, так как основные мероприятия японская администрация проводила под лозунгами желания помочь Корее в развитии. Главной идеей Окакуро было следующее: «В самом сердце Японии постоянно направлен кинжал — Корея. Любая враждебная держава, заняв Корейский полуостров, легко сможет перебросить свои войска в Японию. Поэтому для сохранения японской расы необходимо обладать Кореей и Маньчжурией. Они необходимы и как отдушина для избыточного населения, и как сырьевая база. Таким образом, войны 1895 и 1905 гг. Были войнами за независимость Японии. Корея должна стать японской провинцией» [3, с. 94].

Взгляды другого идеолога экспансионизма, Фукудзава Юкити со временем претерпели некоторые изменения. Если в 1881 г. он обосновывал необходимость войны с Китаем с целью аннексии Кореи, говоря, что «Япония должна оказать военную помощь Китаю и Корее и стать их культурным вдохновителем», то 4 года спустя он заявлял следующее: «Мы должны покинуть ряды азиатских стран и примкнуть к цивилизационным государствам Запада. Мы не обязаны

относиться к Китаю и Корее каким-то особым образом только потому, что они наши соседи. Я отвергаю идею о необходимости сотрудничества с плохими друзьями в Восточной Азии» [3, с. 67].

В основных политических концепциях Японии периода Мэйдзи четко прослеживаются две общих черты:

1. Паназиатская, т. е. «объединение» всех стран под лидерством Японии, помощь в модернизации остальным странам Азии;
2. Сдерживание влияния США и стран Западной Европы в регион.

Последствия проведения столь агрессивной внешней политики проявляются в некоторой степени. В сознании народов, пострадавших от жестокой колониальной политики Японии в первой половине XX века и культурного геноцида, сохраняется восприятие Японии как врага, агрессора. Феномен «исторической памяти» характерен для двусторонних отношений Японии со многими странами Азиатско-Тихоокеанского региона.

Список литературы:

1. Вербицкий С.И. Япония в поисках новой роли в мировой политике. М.: Наука, 1992. — 268 с.
2. Гринюк В.А. Столетие аннексии Кореи //Япония наших дней. — 2010. — № 5.
3. Селищев А.С. Японский экспансионизм: люди и идеи. Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1993. — 256 с.
4. Шипаев В.И. Колониальное закабаление Кореи японским империализмом (1895—1917). М.: Наука, 1964. — 242 с.

1.2. СОЦИОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ПОЛИТИКИ

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЛИЧНОСТИ УЧАСТНИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Жуковский Александр Владимирович

*аспирант 1 года обучения, философского факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова,
г. Москва
E-mail: silicium14@yandex.ru*

Соловьёв Алексей Васильевич

*научный руководитель, канд. филос. наук, доцент,
г. Москва*

METHODOLOGICAL PECULARITIES OF POLITICS PARTICIPANT'S PERSONALITY STUDY

Aleksandr Zhukovsky

*postgraduate of the 1st year of Faculty of Philosophy,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow*

Aleksey Soloviev

*scientific advisor, Candidate of philosophical sciences, associate professor,
Moscow*

АННОТАЦИЯ

Политическая психология, диагностика личности политика, дистантная диагностика, наблюдения как методология дистантной диагностики личности политического деятеля. Контент-анализ как метод дистантной диагностики.

ABSTRACT

Political psychology, politician personality diagnostics, distant diagnostics and observations as a methodology of distant diagnostics of a politician's personality. Content analysis as a method of the distant diagnostics.

Ключевые слова. Дистантная диагностика, политическая психология, безбланковая методология.

Keywords: distant diagnostics; political psychology; paperless methodology.

Изучение личности участника политического процесса часто сопряжено с трудностями, препятствующими проведению контактной диагностики личности. Кроме того, цели и задачи изучения личности участника политического процесса отличаются от задач, решаемых психологией, а потому такое исследование требует отдельной методики отбора изучаемых черт личности.

Целью данной работы является освещение некоторых особенностей формирования модели исследования участника политического процесса.

Материалы и методы исследования: исследование проводилось в МГУ имени М.В. Ломоносова на факультете политологии МГУ имени М.В. Ломоносова под руководством Ракитянского Н.М. а также на философском факультете МГУ под руководством Соловьёва А.В. Методом данного исследования является междисциплинарный подход, включающий в себя анализ соответствующей научной литературы, на основе изучения которой были сделаны выводы о целесообразности использования описанной ниже модели исследования.

Результаты исследования: на основе исследования была создана теоретическая модель проведения исследования личности участника политического процесса, на основе которой было реализовано полевое исследование одного из представителей политического пространства г. Москвы. Бланковая диагностика проводилась на условиях анонимности.

Методологические особенности изучения личности участника политического процесса:

Проблема изучения личности политического деятеля — одна из ключевых составляющих изучения политических процессов. Подход к изучению данной проблемы зависит от целого ряда факторов, к которым относятся: уровень публичности изучаемого политического процесса, подход к пониманию политической

деятельности, политики в целом. Кроме того, необходимо выделять границы субъективного понимания политики, не подменяя им объективных социально-экономических предпосылок политического процесса.

В данной работе политика рассматривается как система действий, направленная на достижение, удержание и использование власти. Что же касается власти, то используется подход Е.Б. Шестопаля [10, с. 222], которая выделяет два основных подхода к пониманию феномена власти: «примем как аксиому, предваряющую наш анализ, два довольно распространенных положения. Первое было сформулировано Р. Далем и определяло сущность власти как возможность одного человека заставить другого делать то, что тот по своей воле не сделал бы. Другое акцентирует коммуникативный аспект властных отношений, определяя власть в терминах взаимодействия, предполагающего, что подчиняющийся власти признает приказ [11, 201—220; 10, с. 222].

Оба определения включают признание того, что власть вообще, а не только политическая, — это разновидность психологического воздействия, средства которого варьируются от мягкого увещания до открытого насилия. Но помимо воздействия одного человека на другого между ними происходит и взаимодействие, обе стороны которого способны влиять на партнера, хотя и не соразмерно. Эти процессы возможны только при условии, что властвующие имеют с управляемыми общий язык, на котором можно договариваться, приходиться к соглашениям» [10, с. 222].

Вышеописанное взаимодействие есть коммуникация, а власть, как её определял Н. Луман, — способность формировать повестку дня [4, с. 11—31].

В связи с вышесказанным есть смысл рассматривать проблему личности политического деятеля в контексте его коммуникации, направленной на побуждение акцептора его сообщения к действиям.

Что же касается рассмотрения собственно личности политического деятеля, то актуальным является изучение эмоциональных, когнитивных и мотивационных характеристик личности, влияющих на принятие политических решений, коммуникацию с другими участниками политического процесса, на политическую деятельность в целом.

Важным фактором, влияющим на изучение личности политика является невозможность применения общераспространённых методик изучения личности в связи с невозможностью непосредственного контакта с политическим деятелем. Выходом в данной ситуации является применение дистантной диагностики, основанной на наблюдении как научном психологическом методе.

Степень научной разработанности проблемы

Среди исследований, отвечающих теме данной работы есть смысл выделить, как утверждает Н.М. Ракитянский структурный подход, являющийся разновидностью системного.

В этом случае исследователь имеет возможность сосредоточиться на структуре личности политического деятеля, которая включает в себя характеристики личности, отвечающие целям и задачам исследования.

К представителям данного подхода возможно отнести А.Ф. Лазурского (во многих трудах, например — в работе «Классификация личностей»), Б.Г. Ананьева [1, с. 220—229], В.А. Ганзена [2, с. 151—159], А.Г. Ковалева, В.Н. Мясищева [3, с. 1], К.К. Платонова, Л.Н. Собчик, Р. Кеттелла, С. Хатзуэя и И. Маккинли и др.

Что же касается безбланковых методов изучения структуры личности политического деятеля, то здесь ситуация достаточно сложная, так как в современной политико-психологической литературе практически не встречается развёрнутых концепций, описывающих методы безбланкового диагностирования личности. Но, учитывая, что одним из основных методов дистантного диагностирования является наблюдение, возможно обратиться к трудам учёных, давших определение данному методу в своих работах. Как считает Н.М. Ракитянский, к таковым возможно отнести В.В. Никандрова, А.Т. Никифорова, В.Е. Семёнова и т. д.

Важно отметить, что наблюдение — слишком общее определение данного метода. А потому нам необходимо уточнить как сам используемый термин, так и совокупность приёмов, его составляющих, но для это сначала необходимо определиться с объектом наблюдения.

Объект исследования — политический деятель — руководитель движения или рядовой участник политического процесса, выбранный для проведения качественного исследования как типичный представитель определённой социальной среды. Привлекательность данного деятеля политики как объекта исследовательского интереса обусловлена следующими их особенностями. Во-первых, он может являться публичным деятелем, обладающим политической властью либо же действует с целью её достижения. Кроме того, возможно собрать эмпирический материал в виде речей, видеозаписей интервью и т. д., связанный с ним, кроме того, часто возможно проведение контактного диагностирования данного лица, что необходимо для верификации безбланкового метода.

В этом случае предметом исследования является структура личности политического деятеля.

Целью же исследования станет создание политико-психологического портрета представителя выбранного для исследования политического движения.

Предполагается возможной следующая модель исследования:

Задачи исследования

1. В теоретической части исследования:

1) Рассмотреть известные подходы к дистантному анализу личности.

2) Рассмотреть методологию и методы дистантного политико-психологического диагностирования личности политика

3) Выявить возможности качественного контент-анализа как инструмента объективного наблюдения.

2. В практической части исследования:

1) Провести дистантную диагностику структуры личности публичного деятеля.

2) Если возможно — провести бланковую диагностику структуры личности публичного деятеля с применением выбранного психологического инструментария

Как кажется, для создания психологического портрета личности возможно применение инструментария 16-ти факторной модели личности.

3) Верифицировать результаты дистантной диагностики путём сравнения данных, полученных методом безбланкового диагностирования с данными, полученными путём контактной диагностики. В случае невозможности проведения бланковой диагностики верификация результатов может быть проведена путем оценки правильности использования методов исследования, а также путем использования другой дистантной методики для сбора данных. Например — анализ поведенческой модели, посредством которого проводится сбор L-данных.

Дистантное политико-психологическое диагностирование личности политика — сфера деятельности политического психолога, требующая от него учета значительного количества научных направлений, к каковым возможно отнести следующие отрасли политической науки: бихевиоризм, когнитивную психологию, социо-культурный подход и т. д..

Каждый из указанных подходов обладает собственными возможностями, изучает те или иные составляющие структуры личности. Совмещение подходов в одном исследовании даёт возможность более полно рассмотреть структуру личности политика, интерпретировать

мотивационные, когнитивные и аффективные составляющие деятельности политика.

В большинстве случаев политико-психологический портрет политика является фрагментарным и охватывает лишь несколько составляющих структуры личности. В связи с этим, перед началом исследования важно определить интересующие исследователя особенности личности, и, в зависимости от выбора использовать ту или иную методологию, тот или иной теоретический подход. Кроме того, необходимо понимание оснований выбора изучаемых черт личности, так как изучаемые характеристики должны отвечать практической задаче портретирования.

Таким образом, валидность исследования зависит от правильного понимания задач портретирования, соответственного выбора изучаемых черт личности, выбора методологии исследования, позволяющей изучать именно требуемые характеристики. Кроме того, важен практический опыт исследователя, а также такие его личностные характеристики, как эмпатия, высокий уровень рефлексии, эмоциональная зрелость и т. д.

Учитывая, что объектом исследования является политик, важно сказать о проблеме, возникающей при сборе требуемых для исследования данных. Политик в большинстве случаев физически недоступен для исследования, и за исключением участия в публичных мероприятиях не предоставляет исследователю материала, который бы позволял собирать необходимые данные. Именно с такой ситуацией и связано возникновение такого научного феномена, как дистантное политико-психологическое диагностирование личности. В этом случае исследователю остается единственный действенный метод — наблюдение. Наблюдение как метод имеет свои особенности. Во первых, наблюдение, это «форма чувственного познания». Как утверждает Рубенштейн, наблюдение в психологии существует в двух формах — самонаблюдение, и наблюдение внешнее — объективное наблюдение .

В рамках наблюдения существует значительное количество конкретных практических подходов, которые, в соответствии с классификацией О. Иммельмана возможно отнести к трём типам: экспертные оценки, контент-анализ, психобиографический анализ.

Метод экспертных оценок позволяет стандартизировать данные, но и имеет ряд недостатков следующего характера: громоздкость метода — для валидности исследования необходимо опросить значительное количество экспертов, что не всегда возможно. Кроме того, ответы экспертов могут быть продиктованы не результатами

наблюдения за изучаемым объектом, а образом, навязанным, средствами массовой информации, например.

Проблема Психобиографического анализа состоит в проблеме шкалирования полученных данных. С помощью психобиографического метода возможно объяснение тех или иных уже выявленных черт личности, но прогностический потенциал данного подхода вызывает сомнение в связи с проблемой понимания уровня выраженности даже тех личностных характеристик, которые позволяет изучать данный метод.

Когнитивный подход объединяет методики, учитывающие когнитивные составляющие личности – мышление, восприятие, понимание и т. д.. Предметное поле исследования когнитивных особенностей личности включает в себя широкий спектр изучаемых особенностей личности, например, операциональный код и т. д..

Ещё одним важнейшим методом является контент-анализ текстов, с гарантией принадлежащих исследуемому политику. Контент-анализ — метод, позволяющий определять либо некоторую абстрактную модель текста, либо его структуру. В первом случае исследователя интересует собственно содержание текста, «что говорится», во втором — характер подачи сообщения, то, «как говорится». В первом случае контент-анализ является количественным, во втором — качественным.

Методология и методы дистантного политико-психологического диагностирования личности политика:

Если определять личность наиболее общими терминами, то личность в психологической науке, это человек как субъект социальных отношений, носитель социально значимых качеств.

Как уже говорилось, в случае изучения структуры личности политика приходится прибегать к дистантному изучению личности. Основой методологии дистантного изучения структуры личности политика является метод наблюдения. Правильно организованное наблюдение позволяет накапливать эмпирические данные, классифицировать их. Как уже указывалось, наблюдению может быть как интроспективным, так и объективным. В данной работе будет использовано объективное наблюдение, хотя такой подход ни в коей мере не отменяет рефлексивной позиции автора. Если быть более точным, то будет использовано дистантное наблюдение, которое не предполагает включения исследователя в изучаемую социальную группу. Объектом наблюдения является политик, предметом — его речевая деятельность, которая отражает, как утверждал Р. Кеттелл, особенности личности. То есть, в данном случае речь испытуемого

(политика) выступает внешним, экстерниоризованным компонентом поведения, а также и деятельности, которые, в свою очередь суть внешняя форма проявления психики индивида. Автор исходит в данной работе из принципа единства психики и её проявления в деятельности и поведении, который был изучен в трудах Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, Б.Г. Ананьева и др..

Если говорить собственно о методе наблюдения, то есть смысл обратиться к определению наблюдения как научного метода, данного А.Т. Никифоровым и В.Е. Семёновым и описанным Н.М. Ракитянским в книге Психологическое портретирование в политологической практике: «наблюдение — это спланированное восприятие» [9, с. 34]. Наблюдение должно отвечать определённым требованиям: цель, теоретическая обоснованность, организованность процесса, фиксирование получаемых данных, полнота, релевантность. Кроме того, важно отметить, что наблюдение может быть как непосредственным, так и опосредованным. В данной работе будет использовано непосредственное наблюдение за объектом.

Как уже было сказано выше, при исследовании структуры личности политика необходимо определить черты, изучение которых отвечало бы поставленным задачам. Следовательно, наблюдение должно быть селективным. Важен также такой параметр, как планомерность — он позволяет с высокой вероятностью отследить все необходимые эмпирические данные.

Всем заданным параметрам отвечает использование наблюдения в виде безбланковой диагностики. То есть наблюдение сводится к выявлению переменных, позволяющих говорить о проявлении тех или иных личностных черт, рассматриваемых в различных тестовых методиках. Например, в шестнадцатифакторной модели личности Р. Кеттелла.

Отправной точкой исследования, при пользовании методом объективного наблюдения является сбор и регистрация данных, полученных путём наблюдения за поведением изучаемого объекта. Учитывая, что речь — это тоже поведение (речевое поведение), возможно осуществлять объективное наблюдение за речью объекта и получать тем самым эмпирические данные о поведении человека.

После окончания непосредственного наблюдения и сбора необходимых эмпирических данных необходимо классифицировать полученный материал, а также интерпретировать полученные данные. Для этого требуется определённый инструментарий, который позволит путём классификации выявить кластеры эмпирических данных, а также интерпретировать результаты кластеризации. Подобная

кластеризация может проводиться разными способами, в данном исследовании будет использован метод качественного анализа текстов, кластеризация эмпирических данных в рамках которого будет производиться с использованием факторной модели личности.

То есть, применение методология исследования включает в себя несколько этапов:

1. Постановка задачи исследования
2. Выявление особенностей структуры личности политика, требующих изучения
3. Постановка цели наблюдения
4. Собственно наблюдение
5. Фиксирование данных
6. Кластеризация полученных данных
7. Интерпретация результатов кластеризации с использованием шестнадцатифакторной модели личности
8. Описание изученных особенностей структуры личности политика

Важно помнить, что разработка этапов применения методологии исследования должна быть произведена с соблюдением требования планомерности к методу объективного наблюдения.

Список литературы:

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. М.: Наука, 2001. — 288 с.
2. Ганзен В.А. Системные описания в психологии. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1984. — 175 с.
3. Ковалева А.Г., Мясичев В.Н. Психологические особенности человека. Характер. Л., — 1957. — Т. 1. — 264 с.
4. Луман Н. Власть. Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М., Праксис, 2001. — 256 с.
5. Люльчак Е.Р. Политико-психологический анализ личностей лидеров «оранжевой революции» Виктора Ющенко и Юлии Тимошенко: Автореф. дис. ... канд. политич. наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2010. — 187 с.
6. Парыгин Б.Д. Социальная психология.: Учеб. пособие. СПб: СПбГУП, 2003. — 616 с.
7. Ракитянский Н.М. Портретология власти. М.: Наука, 2004. — 264 с.
8. Ракитянский Н.М. Построение психологического портрета // Политическая психология. Хрестоматия. М.: Аспект-Пресс, 2006. — 417 с.
9. Ракитянский Н.М. Психологическое портретирование в политологической практике. М.: Интерпресс, 2008. — 178 с.
10. Шестопал Е.Б. Политическая психология. М.: ИНФРА-М, 2002. — 448 с.
11. Dahl R. The Concept of Power // Behavioural Sciences, — 1957. — № 2.

СЕКЦИЯ 2.

СОЦИОЛОГИЯ

2.1. МЕТОДОЛОГИЯ И МЕТОДИКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

«ИНТЕРНЕТ-ФОРУМ» О ДОШКОЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ

Прошкова Зоя Вячеславовна

*канд. социол. наук, старший научный сотрудник
Социологического института Российской академии наук,
г. Санкт-Петербург
E-mail: eder57@nm.ru*

“INTERNET FORUM” ABOUT PRESCHOOL EDUCATION

Zoya Proshkova

*candidate of Sociology, senior research scientist
of the Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences,
Saint Petersburg*

АННОТАЦИЯ

В статье обосновывается метод «интернет-форума» в применении к проблематике социологии дошкольного и раннего школьного образования. Проводится сравнение дискуссии в сети с другими виртуальными и традиционными методами эмпирического социологического исследования. Описывается статус респондента и особенности целевой аудитории в интернет-форуме. Проанализированы родительские мнения по поводу устройства в дошкольные

образовательные учреждения, качества и доступности дошкольного образования.

ABSTRACT

The article proves the method of “Internet forum” as applied to the issues of preschool and early school education sociology. A comparison of discussion with other virtual and traditional methods of empirical sociological research is conducted online. A respondent’s status and peculiarities of a target audience on Internet forum are described. Parents’ points of view on admission to preschool educational institutions as well as quality and availability of preschool education are analyzed.

Ключевые слова: эмпирическое познание в социологии; виртуальные методы; интернет-форум; фокус-группа; метод открытых вопросов; интервью по электронной почте; респондент; ранний образовательный капитал.

Keywords: empirical knowledge in sociology; virtual methods; Internet forum; focus group; the method of open questions; interview via e-mail; respondent; early educational capital.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ по проекту 12-03-00635а, РФФИ по проекту 13-06-00828.

Метод «интернет-форум». В исследовании «Дошкольное образование как образовательный и жизненный ресурс российского человека» используются разные эмпирические подходы, и среди них мы планировали провести несколько дискуссий в сети. Метод назвали «интернет-форум». Предполагалось обсудить проблемы дошкольного и начального школьного образования с родителями, имеющими актуальный опыт взаимодействия с ранними образовательными системами. В ходе исследования стало ясно, что метод в нашем случае не нуждается в специальной организации дискуссии, и даже попытки подключиться к наличному чату и управлять темой, задавать нужные исследователю вопросы снижали качество получаемых текстов. Лучше найти в сети полезный для социолога информационный массив и дать обсуждению свободно развиваться, изредка комментируя высказывания участников форума.

Таким образом, метод интернет-форума в его конкретной реализации тяготеет к качественным технологиям эмпирического социологического исследования. Характерные особенности метода: простота поиска необходимых информационных ресурсов (форумов родителей), большие объемы имеющейся первичной информации

(здесь необходим выборочный подход по принципам полноты, достаточности, разнообразия представленных случаев), минимальное вмешательство исследователя в изучаемый процесс, дешевизна метода по материальным и временным затратам; результатом интернет-форума являются неструктурированные тексты, что сразу создает проблему эффективных обработки и анализа данных.

При анализе текстов такого типа можно использовать отечественные компьютерные системы поддержки качественных социологических проектов, например, Дискант и Вегу [4, 5]. Эти программы позволяют создавать базы данных с необходимыми техническими полями, наполнять поля высказываниями, рассуждениями, ответами «респондентов» (в нашем случае — участников форума). Содержание полей можно классифицировать и оценивать разными способами. Такой подход анализа более эффективен, чем простое прочтение и цитирование форума. Зато требует, конечно, значительной дополнительной аналитической работы исследователя. Форумы о дошкольном образовании хорошо поддаются структурированию в условиях компьютерного анализа, ясно выделяются несколько тем: устройство в ДОО (дошкольное образовательное учреждение, то есть детский сад), плюсы и минусы обучения в ДОО, стоимость дошкольного образования; опыт обучения ребенка вне системы ДОО — домашнее образование, платные и бесплатные образовательные услуги для детей; когнитивное развитие ребенка, выбор школы, законодательство в сфере образования.

«Интернет-форум» и другие методы эмпирической социологии.

Если говорить о родственных связях «интернет-чата», то, на мой взгляд, метод более всего напоминает фокус-группу, но без модератора [1]. Трудно сравнивать познавательные возможности методов, но процедурное сходство заметно. В обоих случаях мы имеем дело не с индивидуальным респондентом, а с группой. Важное общее свойство, проявившееся только при анализе содержания форумов — быстрое реагирование инструмента сбора данных на острые актуальные коллизии изменяющейся социальной реальности. Оба метода сразу фиксируют значимые события, позволяют отследить общественную динамику и прогнозировать развитие ситуации. Так, например, именно Центр стратегических разработок, пользующийся методом группового интервьюирования, единственный уверенно предсказал политические волнения, начавшиеся в России в конце 2011 года [2]. Анализ форумов о дошкольном образовании, в свою очередь, демонстрируют самую болезненную проблему раннего обучения в глазах российских родителей. Это новый закон об образовании, вступивший в силу

в 2013 году, допускающий фактически переложение полной оплаты содержания ребенка в ДОУ на плечи родителей.

Еще одна технология эмпирического социологического исследования, близкая к интернет-форуму — «метод открытых вопросов» [6]. Это анкетирование, основанное на системной совокупности открытых вопросов. Обычно открытые вопросы используются в небольшом количестве в стандартизированной анкете. Но, как показывает исследовательский опыт, респонденты в таких анкетах придерживаются парадигмы количественной социологии — или пропускают открытые вопросы, предпочитая закрытые; или отвечают формально, повторяя в своей редакции уже предложенные альтернативы закрытых вопросов. Иначе говоря, открытые вопросы в стандартизированной анкете не эффективны, работают плохо. Метод открытых вопросов предлагает анкету почти целиком из открытых вопросов и позволяет респонденту высказаться полно, последовательно и по своим критериям и релеванностям. Именно для метода открытых вопросов разрабатывалась программа Дискант — диалоговая система классификации и анализа текстов [4]. Как потом выяснилось, система с разной степенью успешности адаптируется к текстам другого типа, в том числе массивам интернет-форумов.

Метод «интернет-форума» похож на метод открытых вопросов — участники форумов рассуждают свободно и настолько обширно, насколько желают. В отличие от метода открытых вопросов, отсутствуют рамки (исключая тематические границы), нет управления рефлексией. Зато респонденты форума инициативны и выступают коллективным разумом, проводят мозговую атаку. Виртуальным форумом можно управлять, можно его и создавать, но в нашем проекте не получилось.

Сравним интернет-форум с единственным на сегодня методологически обоснованным методом виртуальной эмпирической социологии — интервью по электронной почте [3]. Б.З. Докторов активно развивает это направление, собирая биографии известных российских социологов и публикуя тексты интервью в социологических журналах. Родство эмпирических технологий исчерпывается принадлежностью обоих методов к виртуальной социологии, причем электронное интервью — близкий аналог обычного, а вот интернет-форум в реальности воспроизвести трудно, частично с этим справилась бы фокус-группа.

Анкетирование по интернету и он-лайн интервью (по скайпу) широко используются в небольших проектах, анкеты часто размещаются в социальных сетях и на сайтах СМИ, но оба метода

упрекают в смещенности выборки объектов исследования. Эту же претензию можно предъявить и интернет-форуму. Но здесь есть обоснование — при анализе дошкольного образования мы проводим не массовый репрезентативный опрос, а ищем целевую аудиторию (родителей детей дошкольного и младшего школьного возраста) и вполне успешно находим на форумах. Сходство сетевых анкетирования, интервьюирования и дискуссии — доступность, дешевизна методов, скорость получения и зачастую обработки информации, исчезновение бумажных посредников. Все это делает эмпирические подходы привлекательными для студентов-социологов, методологические неотрефлексированные методы используются обучающейся публикой стихийно и признаются при защите курсовых и дипломов.

Еще один эмпирический виртуальный подход в сравнении с интернет-форумом. Речь идет об архивах социологической информации в сети, например, одном из значительных российских проектов — ЕАСД (Единый архив социологических данных). Не вижу принципиального сходства, кроме собственно нахождения обоих ресурсов в Интернете. Оба подхода можно отнести к «анализу документов». Но первый документ — архив — инициирован самими исследователями для нужд социологического сообщества; второй — форум — в нашем случае является «наличным» текстом, возникшим независимо от социологии.

О типе «респондента» в методе «интернет-форум». Есть разные классификации респондентов в опросах. О каком типе можно говорить в интернет-форуме в применении к проблематике дошкольного образования? Во-первых, виртуальную дискуссию только очень условно можно назвать опросной методикой. Особенно в обсуждаемом проекте «Дошкольное образование», так как мы почти не вмешиваемся в полилог родителей и соответственно не выполняем функцию интервьюера. Метод определенно является «рефлексивной технологией», но минимально — опросом. Итак, наши респонденты названы так весьма условно. Во-вторых, родители, подключившиеся к беседе в форуме, с одной стороны, не эксперты в сфере дошкольного образования, с другой — отнюдь не «чайники» (тип — «массовый респондент»). Думается, что наши респонденты — это «респонденты в сотрудничестве», то есть тяготеют к пограничному типу — владеют информацией и готовы передавать ее. В-третьих, уже поднимавшийся в статье вопрос о смещенности выборки в интернет-форуме: на репрезентативную выборку в данном методе шансов нет. На форумах об образовании для детей мы можем встретить только

обеспеченных домохозяек с избытком свободного времени. Сразу отвергнем такое подозрение: как показал опыт, в чатах действительно не встретился ни один отец или дедушка, зато практически все типы матерей: многодетные и однодетные, работающие и неработающие, одинокие и замужние, отдавшие ребенка в детский сад и оставившие дома. Так что целевая аудитория проекта, на наш взгляд, получена. Есть смещение в сторону «городских матерей», что учитываем при анализе.

О содержании форумов. Как я уже писала, тематический мейнстрим сегодня — беспокойство родителей по поводу нового закона об образовании, фактически отменяющем очередь в ДОУ и предложившим полную оплату услуг по «присмотру и уходу» за ребенком в ДОУ производить родителям [7]. Теперь муниципалитеты решают, какую часть услуг будут оплачивать родители, и не обязательно такое решение будет в пользу родителей. Участники форумов остро реагируют на ситуацию и видят в новом законе падение доступности дошкольного образования. Обещание увеличить число групп кратковременного пребывания детей не утешают, так как работающим матерям нужен именно полный рабочий день, а неработающие в такой услуге не нуждаются — это только дополнительные хлопоты, с их точки зрения.

Сквозным вопросом на форумах является не «какое дошкольное образование должен получить ребенок», а «отдавать или не отдавать ребенка в детский сад». Причем вторую тему обсуждают и те, у кого есть альтернатива детскому саду, и те, у кого выбора нет. Аргументы «за» и «против» можно классифицировать: «неопровержимые», оспариваемые и амбивалентные.

Доводы в поддержку детского сада: 1) Возможность общения ребенка со сверстниками, развитие коммуникативных способностей. Обоснования тезиса вплоть до фантастических (на наш, естественно, взгляд): «Я не раз наблюдала и в школе, и в вузе, что не ходившие в детский сад люди — неудачники и парии». Наблюдения такого рода, правда, не простираются дальше учебных коллективов, и никто не заявляет, что эффект неудачника сопровождает человека всю жизнь. 2) В детском саду можно переболеть всеми детскими болезнями до школы, получить иммунитет. 3) Есть дети, нуждающиеся в детском саду. Это демонстративного типа личности. На форумах, в частности, есть рассказ о четырехлетней девочке, имевшей и бабушек, и нянь, но настоявшей на поступлении в ДОУ и очень довольной своей жизнью в детском коллективе. 4) В детском саду готовят к школе. Но речь идет не о собственно когнитивных навыках, а о дисциплине

и ответственности, умении жить в школьном коллективе. То есть тезис близок к первому аргументу, но более прагматичен. 5) Иногда очень везет с детским садом, воспитательницей. Такие случаи есть, например, именно в ДОУ дети научились говорить. 6) Родители имеют право на отдых от забот о ребенке, восстановление душевных сил, что полезно и детям. Здесь сразу возражают: отдых на 2—3 часа могут обеспечить и бабушки, и няни, и развивающие программы вне системы ДОУ.

В число аргументов «за» почему-то не попадает тезис — «родителям, матери нужно работать». Такая идея есть в обсуждении нового закона об образовании, часто вмонтирована в дискуссию о платных образовательных услугах для детей, альтернативах детскому саду. Возможно, аргумент о работе настолько очевиден и на поверхности, что его пропускают.

Доводы «против» детского сада: 1) В ДОУ дети постоянно болеют. 2) В детском коллективе ребенок может встретить дурные примеры. 3) Недобросовестность воспитателей. 4) Родители лишены возможности постоянно наблюдать за ростом и развитием своих детей. 5) Есть дети, которым детский сад не подходит. Причем разные типы детей могут собраться в одной семье — такие случаи есть на форумах. 6) Водить старшего ребенка в ДОУ, когда есть младшие — лишние хлопоты для матери. 7) Детский сад постоянно требует денег. Речь идет в основном о «поборах», многие описывают их как «ежедневные и назойливые».

В каком возрасте можно отдать ребенка в детский сад? Здесь аудитория форумов категорична — «Сад с полутора лет — это однозначно забила на своего ребенка», «Любящая мама в два года не отдаст, а после трех, порой пяти». То есть «нормальный», приемлемый возраст — после 3 лет, лучший — 4,5 года. И проблема, конечно, в том, что детские сады действительно воспринимаются нашими информантками как места по уходу и присмотру за ребенком, образовательные возможности ДОУ оцениваются крайне низко: «Неужели Вы не понимаете, что это вроде передержки для детей». Дошкольное образование — это вообще своего рода роскошь, и обучить ребенка могут, по мнению форумов, или сами родители, или системы платных образовательных услуг вне ДОУ: «Идеально — водить на четыре часа в день на развивающие студии». Вот здесь и появляются контраргументы о необходимости работать и нехватке средств: «Наверное, идеально. Только я не встречала мам, которые могут позволить себе не водить ребенка в детский сад и водить на платные кружки. Лично я, педагог по образованию, знаю

множество методик развития ребенка, но свою дочь отдала в сад, на работу выхожу».

В целом метод «интернет-форума» оказался релевантен проблематике дошкольного образования, выявил наиболее обсуждаемые темы в родительском сообществе, быстро дал интересную информацию. Представляется, что метод следует развивать, адаптируя к изучению различных сфер социальной жизни.

Список литературы:

1. Белановский С.А. Метод фокус-групп. М.: Николо-Медиа, 2001. — 280 с.
2. Белановский С.А., Дмитриев М.Э. Политический кризис в России и возможные механизмы его развития// Полит.ру. — 28 марта 2011. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.polit.ru> (дата обращения 05.10.2013).
3. Докторов Б.З. Биографические интервью с коллегами-социологами/ Под ред. А.Н. Алексеева. М.: ЦСПиМ, 2013. — 304 с.
4. Каневский Е.А., Саганенко Г.И. и др. Диалоговая система анализа и классификации текстов// Социология 4М. — 1997. — № 9. — С. 198—215.
5. Саганенко Г.И., Каневский Е.А., Боярский К.К. Контексты эмпирического познания в социологии и возможности программы Вега// Телескоп. — 2008. — № 6. — С. 43—55.
6. Системы, форматы и познавательный потенциал открытых вопросов// Журнал социологии и социальной антропологии. — 2001. — Том 4. — № 4. — С. 171—194.
7. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ/ Региональное законодательство. — 2013. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.base.consultant.ru> (дата обращения 03.10.2013).

2.2. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

ТИПОЛОГИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО ПРИЗНАКУ ГОТОВНОСТИ К ИЗМЕНЕНИЯМ

Халитова Инна Валерьевна

бизнес-консультант, ООО «САП СНГ»,

Москва

E-mail: innakhalitova@nm.ru

TYOLOGY OF ORGANIZATIONS BASED ON ORGANIZATIONAL READINESS FOR CHANGE

Khalitova Inna

consultant, SAP CIS,

Moscow

АННОТАЦИЯ

Статья описывает возможность ввести типологию организаций по признаку готовности к изменениям. Данная типология может быть использована как основа для дальнейших теоретических исследований. Также типология используется автором на практике в рамках технологии управления организационной готовностью.

ABSTRACT

This article primarily focuses on the need for finding typology of organizations based on organizational readiness for change (ORC). This typology may be used as the starting point for further theoretical researches. Also this typology used by the author in ORC management technology practice.

Ключевые слова: организация; типология организаций; организационные изменения; готовность к организационным изменениям.

Keywords: organization; typology of the organization; organizational changes; organizational readiness for change.

Организации, в которых мы работаем и которые окружают нас, поражают своим многообразием. Для установления общности и типизации проблем для разных организаций широко используются различные типологии организаций, которые позволяют, например, выработать типовые методы для решения определенных задач. Известный социолог А.И. Пригожин в монографии «Методы развития организации» пишет: «Потребность в типологии организаций возникает тогда, когда накопление исследовательских данных и представлений делает необходимым построение единой картины социального феномена по возможности в наиболее широких масштабах и разнообразных проявлениях».

Широко известна матрица VCG, где все компании разделены на четыре вида по конкурентоспособности: собаки, дойные коровы, звезды, темные лошадки. Другая типология, которую разработал Г. Минцберг, классифицирует организации по типам организационных культур и выделяет следующие пять видов: простая структура, механистическая бюрократия, профессиональная бюрократия, дивизиональная форма, адхократия.

Есть и более простые типологии по одному признаку, например, по целям, общественным функциям, типу отношений с партнерами или потребителями, по ориентации и т. п. Например, по целям выделяются деловые и союзные организации, деловые организации в свою очередь делятся на первичные и надорганизации и т. д. Подробно различные типологии организаций представлены и описаны, например, А.И. Пригожиным в монографии «Методы развития организаций».

Формальные группировки организаций в типологиях имеют предварительный характер, это «заготовки» для дальнейшей работы. Необходимо более глубокое знакомство с каждой организацией для более продуктивной работы с ней. Но все же это очень удобный и необходимый инструмент.

Мы предлагаем выделить типы организации в зависимости от их готовности к изменениям. Такая классификация позволит понять в первом приближении особенности организации и спрогнозировать, насколько готова организация к изменениям, каких действий от нее можно ожидать и в каком направлении нужно двигаться, чтобы оптимизировать готовность. Предварительный анализ литературы показал, что подобной классификации до разработок автора не существовало.

В качестве оснований были выделены такие характеристики, как «скорость реакции на изменения», «осознанность реакции» и «иммунитет». Определим данные понятия.

Скорость реакции — это степень быстроты реакции (ответного действия) на значимые события вне или внутри организации. Скорость реакции проявляется в действии или его отсутствии при возникшей ситуации. Способность к ответной реакции наиболее проявляется при внезапном неожиданном событии (особенно в экстремальных ситуациях), чем при заранее обусловленном и ожидаемом факторе.

Своевременность ответа является достаточно важной характеристикой в современном мире. Однако ответ не всегда бывает «верным». Осознанность реакции — это способность организации реагировать на ситуации рационально, проанализировав действия и последствия с учетом не только лежащих на поверхности фактов, но и таких «отдаленных» факторов, как долгосрочная стратегия, социальная ответственность и т. п. На практике большинство возникающих ситуаций для организаций — это вызов, требующий правильной реакции. Если действовать верно, то существует большая вероятность, что проблема будет решена. Если реакция ошибочна, то проблема остается неразрешенной или усугубляется. Необходимо уметь принимать решения не только эмоционально, но и с применением аналитики. Так как сегодня современные информационные технологии позволяют получать аналитику достаточно быстро, что под осознанностью можно также понимать способность быстро получить и обработать информацию, необходимую для принятия рационального решения. Осознанность тем выше, чем яснее представляется сущность события, а также сущность процесса реакции в организации.

Иммунитет организации — это наличие достаточного запаса прочности в настоящем или возможность быстро изыскать жизненно важные ресурсы в будущем. Чаще всего проявляется в наличии финансов, но бывают другие особые преимущества, например, поддержка государства, общества и т. д.

Способности организаций в части скорости и осознанности проявляются, в первую очередь, в экстремальных ситуациях. К примеру, во время кризиса в 2008 году большинство компаний в первую очередь начало сокращать персонал. Делали это быстро, с оглядкой на других, увольняли персонал без оценки, и как позже выяснилось, не всегда правильно. Лишь небольшое количество компаний подошло к изменениям осознанно, проявило стратегический подход. В таких компаниях были просчитаны варианты дальнейшего

развития и выбран наилучший. Характеристика реакции первого типа: быстрая, но часто непродуктивная. Это значит, что готовность к изменению была низкой, и наверняка были приняты неверные решения. Например, в организации, с которой работал в то время автор, были уволены уникальные высокопрофессиональные сотрудники только потому, что было принято скороспелое решение избавиться от всех, «кому за 50».

Результаты анализа характеристик и прогноза поведения организаций полученных типов позволили сравнить их с различными видами спорта. Изучение классификаций видов спорта показало, что, действительно, скорость и аналитика являются основанием для типологии, например, для Олимпийской классификации видов спорта. Поэтому автор предлагает использовать следующие аналогии видов организаций и видов спорта:

- первый тип организаций — «Велогонки»;
- второй тип организаций — «Формула 1»;
- третий тип организаций — «Бокс»;
- четвертый тип организаций — «Бои без правил»;
- пятый тип организаций — «Спринт»;
- шестой тип организаций — «Сумо»;
- седьмой тип организаций — «Шахматы»;
- восьмой тип организаций — «Гольф».

Велогонщики отличаются высокой скоростью реакции, владением высокотехнологичными средствами передвижения, требующими высокого уровня осознания в управлении инструментами и ситуацией. Обычно велогонщики красиво представлены: яркие костюмы, аксессуары, необычный дизайн велосипедов. Но все же у данного вида спорта не самый высокий спрос, поэтому можно говорить и о недостаточном иммунитете. Примером является ситуация с российской велокомандой «Катюша». В ее истории были моменты, когда не было спонсоров, денег, соответственно не было возможностей выезжать на тренировки и соревнования. Для таких команд — и организаций данного типа — очень важно выкладываться на все сто процентов и быстро. Если они сумеют реализовать свои ресурсы полностью, то будут в выигрыше (новые возможности и лидерство на рынке, приток финансов и т. п.). Если не сумеют, то одним из вариантов может быть полное разорение, банкротство, уход с рынка. При этом у компаний первого типа сильна зависимость от спроса и/или ресурсов. Среди компаний есть такие, которые похожие на «велогонщиков». Это компании с хорошими амбициями, высоким интеллектуальным уровнем персонала или другим стратегическим преимуществом,

например, новой технологией. В таких компаниях основатели и/или руководители — это профессионалы, яркие лидеры, большинство персонала — молодые активные сотрудники. Формальные характеристики организаций не всегда соответствуют самым высоким требованиям: не все процессы задокументированы, может не хватать основных документов и положений, т. е. формально компания незрелая. При этом организационный климат, организационная культура способствует развитию потенциала сотрудников и организации, компания открыта к нововведениям. Здесь очень высокая мотивация на изменения как у руководителей, так и у команды изменений, формальная и реальная цели проектов совпадают. Можно говорить о достаточно высоком уровне готовности к изменениям. При реализации изменений компаниям первого типа надо уметь стратегически планировать, увеличивать готовность в ресурсах. Необходимо тщательно оценить ситуацию и действовать быстро, реализовывая все свои возможности и преимущества в виде высокого интеллектуального уровня сотрудников (которым не надо разжевывать) и относительной гибкости в форме власти и взаимодействия между сотрудниками. Зачастую организационную готовность к изменениям в таких организациях можно оценить как достаточно высокую.

Второй тип организации — это абсолютные, практически недостижимые лидеры на своем рынке, пример для подражания для всех остальных компаний, стремящихся к успеху. Также как в Формуле 1, которая неофициально считается «королевой спорта», здесь есть все: скорость, интеллект, постоянно высокий интерес зрителей и спонсоров, это престижно. Используются самые высокотехнологичные материалы и самые умные разработки. Но так как трудно быть идеалом постоянно, в таких компаниях существует опасность, что лидер «расслабится». Несколько незначительных ошибок могут быть незамечены в силу большого иммунитета, поэтому такие компании могут быть успешными долго, пока не исчерпается иммунитет или они не допустят роковую ошибку. Как в Формуле 1 — роковая ошибка может стоить жизни или карьеры пилоту, так и здесь, например, глобальная стратегическая ошибка погубила не одного лидера среди организаций: Арбат-Престиж, АЕГ и др. В то же время постоянный контроль и следование своим принципам позволяют таким компаниям быть лидером годами и десятилетиями. Примеры организаций второго типа: Майкрософт, Гугл. При реализации организационных изменений здесь стоит обратить внимание на возможности руководства, соотносить их с масштабом изменений.

Характеристики третьего типа: есть скорость реакции, но низкий уровень или отсутствие иммунитета и осознанности действий, которая практически заменяется быстрой реакцией. При таких характеристиках можно быстро загнать себя в тупик (нокаут), если нет определенной тренировки или врожденных качеств, или если противник гораздо сильнее. Планирование и обдумывание решений по наступлению происходит не всегда. Так происходит в боксе. Среди организаций больше всего боксеров напоминают компании, работающие в сфере розничной торговли (ритейлеры). Здесь большая конкуренция, деньги зарабатывают за счет объемов, а не за счет единичных продаж, поэтому мало времени для обдумывания каждого решения, важны тактические маневры. При реализации изменений необходимо стараться удерживать от необдуманной агрессии, склонности излишне рисковать. Надо уделить особое внимание тщательности планов и стратегий, а также в ходе реализации необходим содержательный контроль выполнений планов. Надо также закладывать время на дополнительное обучение сотрудников.

Организации четвертого типа могут отличаться излишней агрессией, это специальная тактика, которые иногда приводят и к выведению организации в лидеры. Примером здесь являются, например, Евросеть. Аналогично происходит в боях без правил, выигрывает зачастую тот, кто более агрессивен. Но все здесь присутствует некоторая наигранность и работа на публику, в отличие от бокса. В компаниях четвертого типа необходимы планирование, проверка и перепроверка содержания работ. Необходимо формально согласовывать промежуточные и основные результаты, желательно на высшем уровне, чтобы не было причин для разногласий и конфликтов, которые затягивают процесс реализации изменений. Некоторая агрессивность присуща внутренним отношениям между сотрудниками, особенно среди руководителей, команды проекта (возможно, это является следствием динамики и высокой конкуренции между сотрудниками). Это может быть очень серьезной проблемой при реализации изменений. Например, команда проекта может меняться в ходе проекта или стратегические решения могут приниматься неоправданно долго из-за несогласованности между руководителями.

Пятый тип организаций — это спринтеры. Спринтеры — без малейшего «жирового запаса», ориентированы преодолению небольших расстояний, за небольшое количество времени, временные промежутки. Кажущаяся легкость данного вида спорта, когда медаль можно получить менее чем за 10 секунд, приводит к тому, что каждый

может попробовать быть спринтером. Индивидуальные предприниматели, небольшие торговые и посреднические «фирмочки» — это примеры организаций пятого типа. Они являются первыми претендентами на разорение, так как у них нет обычно ни скорости, ни осознания, что они делают, ни достаточного иммунитета. Такие компании создаются и разоряются сотнями. И лишь единицы становятся чемпионами. Примером организации пятого типа являлась, к примеру, компания, которая занималась распространением спичечных коробков с рекламой по ресторанам. Эта компания прекратила свое существование при первом же изменении — введении закона о запрете курения в ресторанах (еще на этапе рассмотрения этого закона).

Шестой тип: крупные компании, где нет достаточной скорости и осознанности, но есть большой иммунитет, по большей части — искусственный. В мире спорта это, например, представители сумо. Среди организаций шестого типа много государственных компаний, особенно монополистов. Такие компании функционируют с разной степенью успешности, все зависит от возможностей спонсора (например, государства). Зачастую весь мир такой компании сосредоточен вокруг спонсора, они не обращают внимание на конкурентов, клиентов, изменения в окружающей среде. Привычный темп жизни для таких организаций — медленный. Такой темп надо переносить и на процесс внедрения изменений. Здесь необходимо не спешить, проверять и перепроверять решения, согласовывать. Революционные прорывы обычно не дают нужного эффекта. Сотрудники и консультанты, которые попытаются совершить прорыв, зачастую бывают не поняты, их могут «выживать» из такой организации.

Для организаций седьмого типа характерны относительные низкие скорость и иммунитет, но есть интеллект, и иногда он очень высокого уровня. Среди видов спорта это, безусловно, шахматы. Если шахматист «уходит» исключительно в интеллект, это может выглядеть необычно, как существование в параллельном мире. Однако если есть определенный баланс интеллекта, скорости, внимания к окружению, то это позволяет достигать хороших успехов. В 1990-х — начале 2000-х годов многие производственные организации среднего уровня, особенно градообразующие, напоминали шахматистов. Высокий уровень профессионализма и интеллект сотрудников, оставшийся с «советских времен» сочетался с полным отсутствием финансов и скорости, так как здесь не было еще инструментов, технологий, методов управления, которые позволили бы адекватно себя чувствовать в новых условиях. Несмотря на это многие

из них остались на плаву и даже достигли неплохих результатов сегодня. Большинство посредственных шахматистов остаются в конце турнирной таблице, посредственные предприятия, которые не смогли найти свою нишу, разорились или впадают в жалкое существование. Сегодня также есть представители данного типа, например, дизайнерские бюро, небольшие консалтинговые компании, среди производственных компаний тоже они есть. В организациях данного типа можно и нужно проводить изменения кардинально, в среднем темпе, не быстро, но без лишних эквивалентов при условии хорошей поддержки. Если такой поддержки нет, то изменения надо проводить шаг за шагом, балансируя между скоростью и ресурсами, чтобы не исчерпать раньше времени все ресурсы, с одной стороны, но и не замедляясь. Замедление здесь может привести к пропаже интереса сотрудников, являющихся основными двигателями изменений, основным ресурсом такой организации.

Примерами восьмого типа организаций являются старые «аристократичные» компании, а также компании нефтяной отрасли. Такие компании функционируют неспешно, с огромным чувством достоинства и самоуважения. В них работают одни из лучших сотрудников, у них есть хорошие технологии, они зарабатывают большие деньги. Отсутствие скорости здесь объясняется тем, что такие компании уверены в своей непотопляемости или они уже такие большие, что физически не успевают быстро реагировать. Таким компаниям нужен прорыв, в противном случае их обгонят и тогда они больше не будут лидерами. Неспешность вместе с концентрацией и вместе с большими доходами у лучших представителей данного типа напоминает спортсменов-гольфистов.

Для компаний каждого типа можно прогнозировать возможности перехода в другой тип. Например, если «велогонщики» сумеют реализовать свои ресурсы полностью, то будут в выигрыше (новые возможности и лидерство на рынке, приток финансов и т. п.). Может перейти в 2 (лидеры рынка, «Формула 1») при благоприятном развитии событий. Если не сумеют, то одним из вариантов может быть полное разорение, банкротство, уход с рынка. Или переход в тип 5 («спринт»), например, останется на региональном уровне, «обмельчает», часть бизнеса свернется. Другие наиболее возможные варианты перехода: 3 («бой без правил») или 7 («шахматы»).

Практическая значимость разработки данной типологии — в возможности дать общие рекомендации по реализации изменений и работе с организационной готовностью к изменениям для каждого типа организации. Например, для команд и организаций первого типа

очень важно выкладываться на все сто процентов, быстро, но при этом надо задумываться о ресурсах, уметь стратегически планировать, увеличивать готовность в ресурсах, так как есть зависимость от спроса и/или ресурсов. Необходимо тщательно оценить ситуацию и действовать быстро, реализовывая все свои возможности и преимущества в виде высокого интеллектуального уровня сотрудников (не надо тратить время на обучение, сотрудники понимают суть достаточно быстро) и относительной гибкости в форме власти и взаимодействия между сотрудниками. Здесь мы можем наблюдать достаточно высокий уровень организационной готовности к изменениям. Организационный климат, оргкультура способствует развитию потенциала сотрудников и организации, компания открыта к нововведениям. Очень высокая мотивация на изменения как у руководителей, так и у команды изменений, формальная и реальная цели совпадают. Проблемы могут быть в ресурсах.

Таким образом, все восемь типов организации можно представить в схематичном виде (см. Рис. 1).

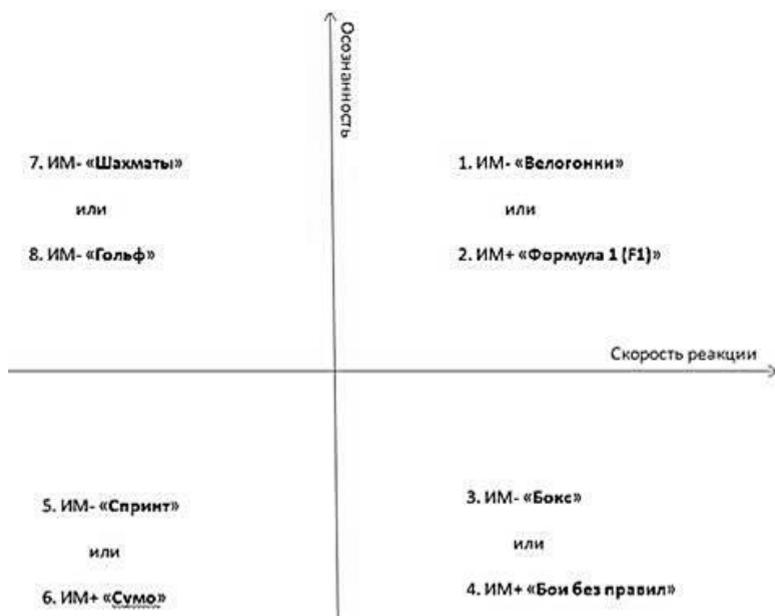

Рисунок 1. Типы организаций по организационной готовности к изменениям

Необходимо понимать, что в данной классификации нет «плохих» и «хороших» организаций: также как все виды спорта одинаково вызывают уважение, также как в рамках одного вида спорта есть посредственные представители, а есть чемпионы, легенды. Данная типология нужна для того, чтобы быстро можно было понять место своей организации или компании-партнера или компании-конкурента, и использовать это, например, прогнозируя их реакции и действия. Ведь в собственной организации можно провести подробное обследование, а в организации-конкуренте — нет. Для этого можно воспользоваться подобной экспресс-диагностикой.

Данная методика частично соотносится с концепцией жизненного цикла (по Адизесу), где каждая компания проходит через разные этапы своей жизни: рост (зарождение, младенчество, «вперед и больше!»), зрелость (юность, расцвет, стабилизация), старение (аристократизация, ранняя бюрократизация, бюрократизация, умирание). Так, на этапе «вперед и больше!» часто бывают организации типа 1 («велогонки»), зрелые компании в своем расцвете — это тип 2 («формула 1»), компании в стадии аристократизации — это тип 8 («гольф»), бюрократы — это тип 6 («сумо»). Однако в нашей методике есть и другие типы, а также акцент здесь стоит на моментах управления изменениями и управления организационной готовностью к изменениям.

Автор формировал типологию исходя из собственного опыта работы. Однако, на практике можно, наверное, встретить и большее количество разновидностей организации. При этом можно воспользоваться более крупным делением типов организаций — по квадрантам. Для них возможно выделить общие признаки и дополнить их новыми типажми организаций.

Так, первая группа (правый верхний квадрант) содержит два типа организаций: «велогонки» и «формула 1». Общее название для них — «гонки». Общие характеристики — высокая скорость, необходимость анализировать и придумывать тактику на ходу, высокотехнологичная атрибутика. Различаются степенью уверенности, вооруженностью техническими средствами, а также степенью иммунитета (спроса, финансовой защиты). Поэтому в данном квадранте можно также ввести также другие типажы организаций: «Даккар», «мотогонки» и др.

Вторая группа (правый нижний квадрант) — «бокс» и «бой без правил». Это борьба, поэтому сюда же можно добавить и другие виды борьбы. Общее для организаций данного квадранта в том, что они полагаются больше на реакцию, чем на осознанность; различие в степени риска, опасности «игр».

Четвертая группа (левый верхний квадрант) — «шахматы» и «гольф». Общим названием может быть «спортивные игры». Сюда также можно также добавить, например, «крикет», «бильярд», «шашки», «го», «бридж». Общее для таких компаний необходимость аналитической работы при небольшой скорости реакции на изменения, здесь надо спешить с учетом этой особенности. Различаются степенью элитарности, зрелости, наличием и существенностью поддержки.

Третья группа компаний (левый нижний квадрант) стоит особняком, так как здесь больше различий, чем общего. Различаются степенью иммунитета (спрос, спонсорская поддержка, наличие финансов). Сюда можно отнести такие разные компании, как «марафонцы», «пловцы на короткие дистанции», «тяжелотлеты», «городки», «классики». Возможно, для третьей группы стоит ввести отдельный признак для более детальной классификации.

Общий вывод по использованию типологии состоит в том, что теоретически изменяться могут все параметры. Но наиболее реальным является изменение третьего параметра — иммунитета. Можно либо создать спрос, либо изыскать поддержку в виде спонсора, внешнего финансирования. Первые два параметра меняются при более глубоких воздействиях, например, при смене руководства или большей части персонала, т. е. этот путь долг и не всегда реален.

Описанная выше типология организаций по признаку готовности к оргизменениям позволяет проводить экспресс-диагностику организаций, выделять их типы, прогнозировать реакцию и успех изменений при определенных условиях. Поэтому данная типология может использоваться в качестве одного из акселераторов в технологии управления организационной готовностью к изменениям.

Список литературы:

1. Пригожин А.И. Методы развития организаций. М.: МЦФЭР, 2002, — стр. 61.

СЕКЦИЯ 3. ФИЛОСОФИЯ

3.1. ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ДВА ТИПА РЕЛЯТИВИЗМА В ДИАЛОГЕ ПЛАТОНА «ТЕЭТЕТ»

Зеленский Олег Александрович
преподаватель Московского государственного
университета экономики, статистики и информатики (МЭСИ),
г. Москва
E-mail: zelenskiy87@yandex.ru

TWO TYPES OF RELATIVISM I N PLATO'S DIALOGUE "THEAETETUS"

Zelenskiy Oleg Aleksandrovich
instructor of Moscow State University of Economics, Statistics
and Informatics (MESI),
Moscow

АННОТАЦИЯ

Главная задача данной статьи — проанализировать, как в диалоге Платона «Теэтет» представлен широко известный тезис Протагора «Человек есть мера всех вещей». Автор полагает, что Платон дал два различных прочтения этого утверждения. Эти два прочтения характеризуют два типа релятивизма — субъективный и объективный. В обоих случаях Платон, с нашей точки зрения, находит достаточные аргументы против принятия позиции Протагора.

ABSTRACT

The main task of this paper is analyzing of how the well-known Protagoras' thesis "Man is the measure of all things" was presented in

Plato's dialogue "Theaetetus". The author supposes that Plato gave two different readings of this statement. These two readings characterize the two types of relativism — subjective and objective one. In both cases Plato, from our point of view, had sufficient arguments against the acception of Protagoras' position.

Ключевые слова: Протагор; релятивизм; истина.

Keywords: Protagoras; relativism; truth.

Введение. Диалог «Теэтет» по праву считается одним из самых трудных для интерпретации сочинений Платона. Здесь он, касаясь одной из самых принципиальных для себя тем (что есть знание), изучает ее со множества сторон, а приводимого количества аргументов хватило бы на несколько других диалогов. Поскольку Платон последовательно рассматривает в «Теэтете» три главных определения знания (знание как чувственное восприятие, как истинное мнение, а также как истинное мнение с объяснением), традиционно принято выделять в этом сочинении три главные части. Мы коснемся только первой из них. Здесь Платон не может обойти вниманием таких важных фигур античной философии, как Гераклит и Протагор. Именно известное утверждение Протагора будет в центре нашего рассмотрения, и я постараюсь показать недостатки некоторых современных трактовок этой части диалога.

Экспозиция тезиса Протагора в диалоге «Теэтет». Как только Сократ добивается от своего собеседника Теэтета первого определения знания (как чувственного восприятия), это определение сразу же связывается с тем утверждением, которое предложил Протагор. В платоновской редакции оно звучит так: «Человек есть мера всех вещей, существующих, что они существуют, а несуществующих, что они не существуют». Это утверждение нуждается в расшифровке, поскольку само по себе может быть характерно для целого ряда позиций. В частности, это и трансцендентальный идеализм, и субъективный идеализм фихтеанского типа. Кроме того, некоторые современные трактовки антропного принципа, где Вселенная так устроена, что нуждается в человеке — наблюдателе, также склоняют к этому принципу. Это показывает, что релятивистские следствия, которые выводит из данного утверждения Платон, лишь имплицитно заложены в самом высказывании (в сущности, это скорее антропологический, нежели релятивистский принцип). Итак, протагоровой мерой оказывается каждый индивидуальный человек, и какой ему кажется та или иная вещь, такой она *для него* и есть. Я согласен

с большинством исследователей, что слова «для него» являются здесь необходимыми, и мы имеем дело с релятивизмом. Однако Файн в своей статье пытается защитить иную, инфаллибилистскую трактовку утверждения Протагора [2, с. 203—204]. Отличие инфаллибилизма от релятивизма состоит в том, что если для релятивизма истина имеет всегда относительный характер, инфаллибилист принимает все мнения как абсолютно истинные, истинные *simpliciter* [2, с. 203]. Но если мы примем точку зрения Файн, у нас возникнет множество вопросов. Почему тогда Платон ищет фундамент утверждения Протагора в откровенно релятивистской гносеологии, где познание — это результат «встречи» между субъектом и объектом [Theaet. 154a, ср. 160b]? Или почему он далее указывает, что ничто не существует само по себе, а возникает от взаимного общения и движения [Theaet. 156e—157a]? Даже для спящего, больного и здорового человека вещи будут казаться совершенно разными! Все это делает сомнительным утверждение Файн [2, с. 204], что отрывок Theaet. 151—160 также представляет нам инфаллибилистскую трактовку Протагора. Ни на стороне субъекта, ни на стороне объекта нет такого единства, которое могло бы обеспечить принятие истин *simpliciter*.

Тем не менее, на мой взгляд, дело обстоит сложнее, чем просто в различии релятивизма и инфаллибилизма. Но прежде чем пояснить свою точку зрения, я хотел бы обратиться к статье Чаппеля, отражающей наиболее ярко трудности традиционной релятивистской интерпретации утверждения Протагора [2]. Строго говоря, если истина сводится целиком к приватному опыту человека, если нет истины «в принципе», а есть только «для тебя» и «для меня», такую позицию невозможно опровергнуть «изнутри». А как возможно иначе, если я знаю, что мой опыт является именно моим опытом? Но когда мы говорим о Протагоре, это еще не все: здесь встает вопрос о том, как возможна его практика как платного учителя. Поскольку Протагор действительно был таким учителем, ему было просто необходимо убеждать людей в правоте своих слов. Однако с позиции столь радикально понятого релятивизма не очень понятно, как это у него получалось. Любой его ученик в таком случае мог сказать: «Протагор, ты же сам говоришь, что я являюсь мерой всех вещей, но мир для меня не такой же, как мир для тебя, и тебе не удастся переубедить меня в этом. Для этого я в *нынешний момент* должен стать тобой в *нынешний момент*, но ведь это невозможно!» Чаппель только указывает на существование подобного конфликта между теорией и практикой Протагора, однако не дает его подробного анализа.

Он ограничивается словами, что Протагор не опровергает себя (*refute himself*) своими утверждениями, но, говоря это, скорее является отступником от своего образа жизни (*defect himself*) [1, с. 338].

Ключ к ответу — выделение двух типов релятивизма. В целом, подход Чаппеля ярко характеризует довольно ограниченный взгляд многих исследователей на этот раздел диалога «Теэтет». С моей точки зрения, эта ограниченность связана прежде всего с тем, что все полное изложение и критика тезиса Протагора [Theaet. 152a—179c] рассматриваются как однородное повествование об одной и той же позиции. Но я хочу показать, что это не так, и высказывание Протагора подвергается частичной «деконструкции». Стилистически это выражается тем, что Протагор появляется в качестве виртуального героя спора, отвечающего на вопросы Сократа. «Водоразделом» в повествовании является Theaet. 160e — момент, когда сократические «роды души» приносят нам первого «ребенка». И это тот «ребенок», которого мы назовем субъективным (или наивным) релятивизмом. Его характеризует принятие нескольких допущений.

(1). Нет истины *simpliciter*, но есть только истина «для тебя» и «для меня».

(2). Истина для меня основана на том, что мне так кажется в данный момент, и мой опыт в этом смысле неопровержим.

(3). Поскольку мой опыт неопровержим, бесполезно меня переубеждать и доказывать обратное — мир *для меня* просто устроен по-другому.

Маловероятно, однако, что этот радикальный вариант релятивизма — это именно то, что хотел показать Протагор [ср., напр., Theaet. 162d сл.]. Не тратил бы тогда Сократ в диалоге столько времени на формулировку улучшенной версии протагоровского учения или, как я назову ее, версии объективного релятивизма. Именно объективный релятивизм пытается как-то связать практику Протагора с утверждением об относительности истины, неизбежно разорванными в субъективной версии релятивизма.

Но как раз эта уступка Протагора позволяет Платону отказаться от бесполезного и бессмысленного «штурма» релятивистской позиции «изнутри». Платон выбирает другую тактику, которую можно назвать «внешней критикой» — он пытается показать противоречия между обычным опытом (в том числе того же Протагора) и релятивистским образом мыслей.

Теперь можно обратиться к рассмотрению объективного релятивизма. Он сохраняет положения (1) и (2), принимавшиеся субъек-

тивным релятивизмом, однако утверждает, что положение (3) оспоримо. Для того чтобы понять разницу, вспомним уже отмеченную ранее теорию «встречи». Обе позиции считали, что сам результат этой «встречи» неопровержим, однако если для субъективного релятивизма на характер «встречи» никак нельзя повлиять (каждый субъект оказывается как бы особой Вселенной, доступ в которую для любого другого закрыт), то для объективного релятивизма это вполне возможно. Логика Протагора здесь такова: на то, что кому-либо кажется истинным какое-либо утверждение, могут влиять два главных фактора — во-первых, это условия, внешние по отношению к реципиенту (например, степень освещенности, близость или дальность предмета и т. д.), во-вторых, внутренние условия (физическое состояние, настроение и т. д.). Назовем последний фактор «внутренним микроскопом» познающего. Естественно, что для релятивистской позиции Протагора решающую роль играли именно внутренние факторы — ведь не сами вещи, но человек является мерой всех вещей. Но грамотный и мудрый воспитатель-софист должен хорошо знать, как настроить этот «внутренний микроскоп», а ведь в том, что он является принципиально настраиваемым и кроется отличие объективного релятивизма от субъективного. Процесс этой настройки, согласно Протагору, — это процесс приведения из худшего состояния в лучшее. Таким образом, отвергая допущение (3), Протагор вводит новую посылку (4).

(4) Софист с помощью рассуждений приводит человека в лучшее состояние [Theaet. 167a].

Но через это допущение Протагор поставлен перед необходимостью принятия другого, согласно которому мнения в лучшем состоянии оказываются более приоритетными, чем мнения в худшем, хотя они и одинаково истинны. Но на чем тогда основано разделение на «лучшее» и «худшее» состояния? Ведь оно имеет не релятивную природу — это не обязательно лучшее *с моей точки зрения*, но лучшее *simpliciter*. Есть ли необходимость приводить нередко встречающиеся примеры, когда больному кажется, что он находится в здоровом и лучшем состоянии, но это не совсем верно? Таким образом, мы видим, что релятивизм породил нечто нерелятивистское, объяснить которое он не в состоянии. Но в состоянии объяснить «внешняя критика» Платона, в данном случае апеллирующая к повседневному опыту. Ведь разве люди не считают, что худшее состояние, невежество, заключено в ложном мнении, а лучшее, мудрость, — в истинном понимании [Theaet. 170b]? Эта посылка является фундаментом для дальнейшей критики.

Но вначале Платон представляет не свое главное оружие, а иронический аргумент [Theaet. 169d—171d]. В нем он как бы сталкивает двух Протагоров: одного — политика, демократа, другого — релятивиста. Двучиность Протагора прослеживается в удивительно точном образе его, то появляющегося, то исчезающего [Theaet. 171d]. Неоднократно в исследовательской литературе выдвигалась точка зрения, согласно которой Платон здесь достаточно вольно обращается с материалом релятивистского учения, отбрасывая необходимые добавления «для тебя» и «для меня», а говоря просто об истинном или ложном. Сказанное нами значительно ослабляет эффект этой критики: во-первых, сам Платон не считает свой аргумент решающим, во-вторых, он хочет показать, что Протагор-демократ вряд ли захотел бы оказаться в состоянии одиночества, когда все считали бы его утверждение ложным, будь оно ложно *только для них* или ложно *в принципе*. Решающий аргумент основан на уже отмеченной нами теме поиска, что есть лучшее, и это лучшее связано с точкой зрения знатока, способного понять будущее в своей области [Theaet. 178b—179c]. Какие-либо трудности в его интерпретации отпадают, если мы будем иметь в виду, что Платон здесь касается *объективного* релятивизма и тех трудностей, которые невозможно разрешить только с его помощью.

Заключение. Естественно, что мы не можем знать, какую точку зрения в действительности защищал сам Протагор, но на основе наиболее фундаментальной критики, представленной у Платона, мы можем сделать вывод, что он был объективным релятивистом. Главной причиной путаницы в интерпретации этого отрывка «Теэтета», на мой взгляд, была неспособность выделить две различные релятивистские позиции. Их выделение позволяет нам не вступать в конфликт с платоновским текстом, представившим Протагора как одного из релятивистов, и лучше понять смысл критики, начиная с Theaet. 160e. Платон не стремится найти внутренние противоречия в самой релятивистской позиции, скорее он указывает на те проблемы, которые одновременно порождаются и не могут быть решены в рамках объективного релятивизма.

Список литературы:

1. Chappell T.D.J. Does Protagoras Refute Himself?// The Classical Quarterly. 1995. New Series. — Vol. 45, — № 2. — P. 333—338.
2. Fine G. Plato's Refutation of Protagoras in the Theaetetus// Apeiron. — 1998. — Vol. 31, — № 3. — P. 201—234.

**ГРЕЧЕСКИЕ ТЕРМИНЫ
В ЛАТИНСКОЙ ФИЛОСОФИИ:
ТРАДИЦИЯ РЕЦЕПЦИИ**

Содомора Павел Андреевич

*канд. филол. наук, доцент кафедры латинского и иностранных языков
Львовского национального медицинского университета
им. Данила Галицкого,
г. Львов, Украина
E-mail: pavlosodom@gmail.com*

**GREEK TERMS IN LATIN PHILOSOPHY:
TRADITION OF RECEPTION**

Pavlo Sodomora

*candidate of Science, Associate Professor of Lviv Danylo Halytsky
National Medical University, Department of Latin and Foreign Languages,
Lviv*

АННОТАЦИЯ

Статья рассматривает перевод некоторых терминов, которые определяют качество переводного текста целиком, в частности, употребление термина *ens*, и предлагает его эквиваленты. Исследование проводится на материале «Суммы теологии» Фомы Аквинского и украинского перевода произведения. Некоторые термины представляют трудности при переводе не только на славянские (украинский в частности), но и другие языки.

ABSTRACT

The article deals with translation of some terms that define the quality of translated text in general, and particularly of reproduction of the term *habitus* and suggests its equivalents. Investigation is conducted on the material of “*Summa theologiae*” of St. Thomas and Ukrainian translation of the work. Certain terms are difficult to translate not only into Slavic languages in general and Ukrainian in particular, but also into English.

Ключевые слова: чтойность; перевод; синоним.

Keywords: quiddity; translation; synonym.

Во время работы над украинским переводом «Суммы теологии» возник целый ряд вопросов, связанных с переводом тех или иных терминов. В процессе работы стало очевидно: для того, чтобы выбрать адекватный украинский аналог, нужно, во-первых, изучить значение каждого термина и, во-вторых, исследовать украинские аналоги на предмет соответствия некоторых особо важных денотатов. Исследование проблем перевода некоторых терминов имеет своей целью сделать первые шаги в сложном процессе создания украиноязычной философской терминосистемы. В этой статье будут рассмотрены некоторые антропологические термины, поскольку они очень часто употребляются в тексте «Суммы теологии», имеют важнейшее значение в отображении семантики оригинала при переводе на украинский язык.

Аристотелевский термин “*to ti en einaï*”, собственно, невозможно перевести. Это понятие, как его описывают ученые [1], вмещает и становление вещи, и ее развитие, и результат развития. Все это передано средствами языка: в основе термина — имперфект глагола «быть», который указывает на то, что вещь претерпевала стадию развития или возникновения. Однако становление вещи уже остановилось — на это указывает инфинитив глагола «быть». Все же вещь не имеет четко выраженных качеств или численностей, что установлено вопросительным местоимением. Также на субстанциональность вещи указывает артикль, к тому же — среднего рода, чем подчеркивается ее неопределенность. Артикль также указывает на общую субстантивацию всех трех моментов развития вещи. Аристотель, очевидно, не всегда концентрировал усилия на создании конкретной терминологической базы в своих произведениях, главным образом обращая внимание на смысл: с точки зрения современной терминологии, преимущество имеют моноксемные термины. Фактором, определившим сложность однозначного перевода термина, является структура древнегреческого языка. Она значительно шире в сопоставлении с латинским.

Сначала этот термин был переведен на латинский язык. Собственно, термин не переведен, а в общих чертах было передано его значение ситуативным аналогом. Фома Аквинский, а также другие философы передают этот термин как “*quidditas*”. Позитивные стороны перевода — указание на смысловую конкретность без перехода на какую-либо численную или качественную характеристику. Элемент субстантивации передается через уподобление форме существительного благодаря окончанию существительного. К тому же, в основе термина — вопросительное местоимение. Прогрессом в термино-

строении есть введение моноксемного термина, качественно лучшего в сравнении с полилексемным с точки зрения активизации стилеобразующей роли термина. Негативная сторона перевода — на передний план выходит то, что уже случилось — в термине отсутствует процесс становления, отсутствуют разновременные глагольные формы. В греческом термине виден собственно сам предмет, а на его материале — процесс становления. Европейская философская терминология главным образом опирается на латинских авторов и на их принципы терминостроения.

В русской философской литературе этот термин переведен как «чтойность» [1]. Согласно Аристотелю, чтойность вещи — это то, без чего вещь не может быть собой. Это такое осмысление вещи, в котором, хотя она сама и не вмещается, все же именуется этим понятием. Так, чтойностью человека является то, что человек — разумное животное. Никакой другой признак человека (например, цвет) не может быть его чтойностью. Аристотель утверждает: чтойность — смысл обозначения. Это означает, что если термин употребляется для обозначения чего-то одного, то употребляется единично и конкретно: чтойность всегда единична; для множественности, в которой нет никакой смысловой единичности, нет и обозначения, следовательно, — чтойности.

В «Метафизике» Аристотель говорит о чтойности и сущности, начиная с постановки вопроса: «Отождествляется ли чтойность с единичной вещью?». Стагирит утверждает, что единичная вещь не отличается от своей сущности и сущность бытия есть сущность единичной вещи. Очевидно, философ предполагает, что человек (единица) и быть человеком (чтойность) — одно и то же. Чтойность тождественна вещи, если рассматривать саму вещь без акциденций, как саму субстанцию; но если рассматривать ее смысл как вещи, то чтойность не будет тождественна вещи.

Фома Аквинский, следуя принципам Аристотеля, употребляет термин в том же значении, что и его великий предшественник. В некоторых местах Фома приводит параллельные, синонимические термины понятия “quidditas”, а в некоторых местах заменяет термин другим, сходным по значению: «Есть ли в нем уклад чтойности, или сущности, или природы и субстанции» [2, с.46]. Здесь приведен пример употребления терминов “essentia” и “natura” вместо “quidditas” — Фома вкладывает в смысл терминов приблизительно одинаковое значение. Философ, следуя за учением Аристотеля, вводит этот термин в описание реального, объясняя это тем, что для того, чтобы обозначить, чем является субстанция, нужно ответить

на вопрос “quid sit”, “что это есть”, и поэтому сущность называется «чтойностью».

Некоторые русские философы переводят этот термин как «сущность бытия», но это не совсем удачный способ перевода, поскольку он имплицитно относит к двум другим понятиям — сущность и бытие, а это — отдельные полноценные термины. Чтойность — наиболее удачный перевод. По этому принципу термин переведен и в английских переводах: (quiddity) [5], аналогично действуют и польские переводчики [4]. Все придерживаются латинизированной версии термина: в этом и сказывается влияние латинской культуры на становление европейской мысли. Латинские философы обстоятельно переработали наследство греческого философа, пропустив его сквозь призму латинской культуры, языка, мировоззрения.

В украинской философской литературе этот термин отображен как «щосність» [3, с. 79], по сути, калькирован латинский вариант. В украинском языке не может быть и речи о калькировании греческого аристотелевского термина: грамматическая структура языков весьма разная, несмотря на общие древние корни. Как следствие, по причине отсутствия альтернативного термина, в литературе употребляется только этот. Как в украинском, так и в других языках со временем должны быть выработаны принципы терминостроения, в которых отображалась бы природа и структура каждого языка, которые были бы понятны широкому кругу читателей. Но это — долгий процесс, который невозможно развязать одним или несколькими исследованиями.

Настоящее исследование, по сути, является междисциплинарным, поскольку выполняется на стыке двух наук — философии и филологии. В совмещении этих двух дисциплин, в извлечении корысти одной для другой и состоит новизна настоящего исследования. Поэтому результаты исследования важны как для философов, так и для широкого круга лингвистов, работающих как над переводом, так и над терминологией: одной из целей исследования, частью которого является эта статья, есть совместное предложение качественно новых эквивалентов латинским транслитерированным лексемам, базирующихся на собственно украинской лексике.

Список литературы:

1. Лосев А. История античной эстетики. — М.: Искусство, 1975. — 775 с.
2. Святий Тома з Аквину. Сума Теології. / Переклад П. Содомори. Львів: Сполум, 2010. — 520 с.

3. Содомора, Павло. Терміносистема Св. Томи з Аквіну. Львів: Сполом, 2010. — 280 с.
4. Sw. Tomas z Akwinu. Suma teologiczna / o. Pius Belch. London: Veritas, 1975.
5. Thomas Aquinas. Summa Theologiae. London, N.Y., 1964—1973. (Transl. by Th. Gilby et al.).

3.2. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

ТЕСТЫ ТЬЮРИНГА И ГЛОБАЛЬНЫЕ СЕТИ. ОТГОЛОСКИ ИЛИ ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ?

Соломин Олег Олегович

*соискатель ученой степени кафедры
«Философия и социальные коммуникации»
Омского государственного технического университета,
Омск
E-mail: sim00s@mail.ru*

TURING TEST AND A GLOBAL NETWORK. ECHOES OF EVOLUTION OR IDEAS?

Oleg Solomin

*competitor degree department "Philosophy and social communication"
Omsk State Technical University,
Omsk*

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются закономерности и проявления существования Глобальных коммуникационных сетей и сети Интернет, как отражения аспектов и проблем рассматриваемых в так называемых «Тестах Алана Тьюринга».

Анализ деятельности человека в им созданной, новой подсистеме социальных коммуникаций, основанной на принципах виртуализации восприятия и общения.

Рассмотрение вопросов балансных отношений развития глобальных сетей, отчасти даст возможность составить картину взаимного влияния ментальных, субъективных процессов отдельно взятого человека и лингвистической сферой глобальных сетей как нового коммуникативного интерфейса между человеком и машиной.

ABSTRACT

The article examines patterns and manifestations of the existence of a global communications network and the Internet, as a reflection of issues and problems addressed in the so-called " Alan Turing Tests ."

Analysis of human activity in them create new social communications subsystem based on the principles of virtualization perception and communication.

Balanced consideration of the issues regarding the development of global networks , in part will allow the characterization of the mutual influence of mental, subjective processes of a single person and linguistic sphere of global networks as a new communication interface between man and machine.

Ключевые слова: тест Тьюринга, глобальные сети, искусственный интеллект, социальные коммуникации, Интернет.

Keywords: Turing test, wide area networks, artificial intelligence, social communications, the Internet.

Идея теста на проверку возможности «подменить» человеческое мышление машинной симуляцией впервые была предложена Аланом Тьюрингом в статье «Вычислительные машины и разум», опубликованной в 1950 году в философском журнале “Mind” [2], где он задался целью найти ответ на вопрос: «Может ли машина мыслить?»

С момента появления этой статьи и по настоящий момент не утихают споры и дискуссии по данной проблеме. В прямых и косвенных формах представителями различных направлений науки — от разработчиков технических средств (в частности в сферах информационных технологи), до специалистов философии сознания и множества других эта проблема поднималась и изучалась. Огромное количество не только научных, но и множество литературных, художественных, кинематографических и даже музыкальных произведений известных авторов были посвящены напрямую или включали в себя эпизоды, в которых отражалась попытка выяснить: «А возможна ли симуляция человека (в частности его способности к мышлению и интеллектуальному совершенствованию) посредством небиологических или частично органических объектов?». Всё это свидетельствует в пользу того, что вопросы заданные более 60-ти лет тому назад не потерял своей актуальности.

Но течение времени иногда очевидно, иногда исподволь, под влиянием развития и изменением направлений человеческого разума как в субъективной, индивидуальной, так и в социальной

форме современного человеческого мышления, а так же стремительного развития научно-технического прогресса, возникли новые проблемы, связанные с возможностью симуляции человеческого разума и порожденные появлением в среде социальных коммуникаций человечества новой структуры — Глобальных информационных сетей (в частности, наиболее распространенной и масштабной из них — сети Интернет).

Имеет смысл, прежде чем рассматривать влияние данной структуры на трансформацию поставленной проблемы, взглянуть на неё как на предмет достойный самостоятельного изучения, как систему, которая за короткий срок глубоко срослась со всеми сферами человеческой деятельности, как на явление, уже доказавшее своё право не просто существовать, но быть необходимым, а зачастую и единственным средством реализации множества замыслов, порожденных человеческим разумом. Не вдаваясь в подробности исторических и технических событий возникновения, совершенствования и перспектив развития данной сети, стоит обратить внимание на её определенные свойства, собственно и делающие её уникальным, жизнеспособным явлением современности, то есть взглянуть на неё с философской точки зрения и социально-коммуникативных характеристик:

- при наличии определенных локальных иерархий нижнего уровня (пользователей, участников сети) отсутствие иерархии на самом верхнем уровне (нет установленного органа контроля, владельца, администрирующей ассоциации контролирующих лиц)
- интерактивная, взаимодействующая связь, дающая решительное превосходство перед прочими средствами обмена и представления частной и массовой информации (телевидение, печатные информационные издания)
- несоизмеримые возможности по скорости, полноте, количеству, качеству и масштабности наличия информации в сравнении с обычными средствами (библиотеки, магазины, клубы, сообщества)
- географическая независимость (одинаковая возможность доступа к любой информации в любой части света, разумеется при условии наличия необходимой технической оснастки)
- масштабируемость (количество участников абсолютно не ограничено)

Это лишь некоторые из множества возможностей Глобальной сети. Какие же выводы можно сделать рассмотрев лишь только данные пункты? Если отбросить некоторые частные условности, то углубив-

шись в смысл приведенных характеристик по сути мы получим уже сформированную, существующую симуляцию нашего общества, виртуальной социальной коммуникации, в которой непрерывно участвуют миллиарды людей из разных концов планеты и со временем их количество и возрастной диапазон лишь нарастают.

Причем массовость данного явления проявилась всего лишь за 10—15 последних лет. И если конкретно в нашей стране в середине 90-х это было лишь дорогим развлечением для избранных или инструментом работы профессионалов в возрасте 20—40 лет, то в настоящий момент участниками данной сети являются представители всех социальных прослоек, а возрастной ценз ограничен лишь элементарными навыками и умственными способностями субъектов (в среднем это люди от 3 до 70 лет [1]).

Сопоставив процессы и техническую оснастку времен Алана Тьюринга с современным положением дел и наличием глобальной информационной сети, нетрудно увидеть, что в настоящее время, в современных социальных сетях и происходит глобальное, непрерывное «тестирование по Тьюрингу»!

Рассматривая проблему поиска ответа на поставленный в начале статьи вопрос, становится очевидным, что Алан Тьюринг стал тем человеком, который первым поставил вопрос о возможности вершины назревающей интеграции человеческого мышления и деятельности научно-технического прогресса в информационных технологиях: «Может ли машина мыслить?», подкрепляя его экспериментальной деятельностью. По этому скорее всего необходимо рассматривать все события происходящие в данном направлении и ни как случайное отражение поднятой ученым проблемы, а как естественный ход развития и эволюция симбиоза человеческой мысли и научно-технического прогресса, в котором он первым, кто обозначил определенную веху их развития, а окончательный ответ на поставленный им вопрос можно получить лишь тогда, когда пройдя определенный путь своего развития, человечество достигнет вершин, позволяющих дать на него однозначный ответ.

В завершении, хотелось бы задаться ещё одним вопросом: «Что же всё-таки мешает воплотить хотя бы в предварительной модели идеи Тьюринга?» Вернувшись к сути рассмотрения основного вопроса, можно предположить, что ответ лежит на поверхности. Глобальная сеть, Интернет, этот созданный и функционирующий «мозг» уже находится на уровне неких «рефлексов» благодаря работе программистов и инженеров. В некоторых случаях и всё чаще, даже

на уровне неких «инстинктов» — благодаря стараниям социологов, маркетологов, политологов и специалистов данных направлений. И все же этого оказывается не достаточно. Для последующего приведения этого «мозга» в «высшее» состояние, к которому он стремительно приближается, необходим следующий эволюционный шаг.

Этот шаг, с хирургической точностью, выверенными методиками и глобальной научностью подхода, в состоянии сделать те, кто достаточно потратили времени, размышлений, сомнений и труда в уточнении явных и поисках возможных несовершенств самой идеи машинного мышления. Вложить «разум», посеять ростки «сознания» в этот еще лишь относительно контролируемый «мозг» — задача возможная только при прямом участии и формировании идейного стержня со стороны исследователей совершенного иного рода чем представители точных наук, инженеры, политологи, экономисты и социологи. В данном случае необходим подход со стороны людей занимающихся глубоким изучением человеческого сознания — философов и психологов. Ведь, вспоминая алармистские возражения, радикальных противников идеи, предложенной к изучению Аланом Тьюрингом стоит помнить, что любые некорректные, не в полной мере осмысленные действия в этой области могут привести к необратимым процессам и фатальным катастрофическим исходам. Эти проблемы уже сейчас имеют место быть в конкретных примерах, отраженных в глобальных сетях — терроризм, экстремизм, растрение и иные проявления негативных стремлений разума человека направленные на его моральное, духовное разложение и уничтожение, при всех усилиях борьбы с ними бурной порослью появляются на «просторах» Интернета.

Для решения всех этих задач и необходима интенсивная и эффективная работа по изучению и в дальнейшем совершенствованию методов проецирования ментальных сфер сознания человека на лингвистическую платформу как интермедийный язык общения в системе человек-машина-человек. Для недопущения же совершения предсказанных противниками идеи А. Тьюринга негативных и фатальных исходов, необходимо четкое представление самой сути предмета эволюции процессов развития системы интеграции человеческого сознания и развивающихся виртуальных социальных коммуникаций.

Список литературы:

1. Земля сегодня [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.hella.ru/converter/worldometers.htm> (дата обращения: 19.03.2013).
2. Turing A.M. Computing machinery and intelligence // Mind. — 1950. — Vol. 59. — № 236. — pp. 433—460.

3.3. ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ИНКЛЮЗИИ: ФИЛОСОФСКИЙ ПОДХОД

Макарова Инна Анатольевна

канд. пед. наук, доцент БГПУ,

г. Благовещенск,

E-mail: makariky@rambler.ru

TOLERANCE IN INCLUSION: A PHILOSOPHICAL APPROACH

Inna Makarova

candidate of pedagogical sciences, associate professor

of Blagoveshchensk State Pedagogical University,

Blagoveshchensk

АННОТАЦИЯ

В статье представлены философские подходы к толерантности. Рассмотрена проблема толерантности как компонента профессиональной позиции педагогов. Отмечается значение толерантности в инклюзивном образовании.

ABSTRACT

The paper presents the philosophical approaches to tolerance. The problem of tolerance as a component of a professional position of teachers. Notes the importance of tolerance in inclusive education.

Ключевые слова: толерантность; педагогическая толерантность; профессиональная позиция педагога; инклюзивное образование, особые дети.

Keywords: tolerance, teaching tolerance, professional attitude of the teacher, inclusive education, special children.

Цивилизованное общество признаёт право каждого на индивидуальность, нестандартность, самореализацию, саморазвитие, общение

и получение образования. При этом подчёркивается, что изоляция и сегрегация непохожих, в том числе имеющих нарушенное психофизическое развитие индивидов, исключается как антигуманная мера. Но, пожалуй, нет более серьёзного барьера в преодолении проблем отвержения и игнорирования «иных», чем барьер интолерантности. Как указывает К. Уэйн, толерантность, подразумевает не просто признание и уважение убеждений и действий других людей, но признание и уважение самих отличающихся от нас «других людей» [3]. Это определяет межсубъектный характер толерантности как базового принципа организации человеческого сообщества, актуализированный динамикой его развития; позволяет формировать своеобразный желательный тип поведения в обществе, наполненном разными ценностями, смыслами, установками. Можно согласиться с мнением В.М. Золотухина, отметившего, что именно толерантность позволяет учитывать многомерность общественного бытия, выступая нравственным принципом, регулирующим деятельность человека и формирующим мировоззренческую типологию [4].

Изучение толерантности позволяет увидеть её как стремление к «золотой середине» (Аристотель); условие преодоления страданий (Ф. Аквинский) и соблазна (Э. Роттердамский); симпатию (А. Смит, Д. Юм) и сострадание (Ж.Ж. Руссо, А. Шопенгауэр); всеобщий человеческий долг (И. Кант); меру равновесия (И.В. Гете) и принцип сохранения (К. Ясперс); внутренний регулятор отношения к другому (Ж.П. Сартр); преодоление своего молчания (А. Камю); показатель развития цивилизации (А.Н. Уайтхед) и др.

Касьянова Е.И. выделяет несколько групп научных исследований, рассматривающих толерантность [5]. К первой она относит представителей «западной» историко-философской школы, рассматривающих методологию и модели толерантности в цивилизационном подходе (М. Вебер, Г. Гегель, Т. Бокль, И. Кант, Л. Морган, Ш. Монтестье, Ж-Ж. Руссо, О. Шпенглер, К. Поппер, Г. Риккерт, А.Дж. Тойнби, С. Хантингтон).

Вторая группа включает авторов, заложивших основания российской концепции толерантности (Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, Н.О. Лосский, В.С. Соловьев, И.Л. Солоневич, Н.Я. Данилевский, А.С. Хомяков и др.).

Третья группа представлена современными историко-философскими работами о роли толерантности как фактора устойчивости общества в исторической эволюции цивилизаций (О. Грелл, В.М. Золотухин, И. Карли, Дж. Лаурсен, В.А. Лекторский, У. Монтер, Р. Портер, Л.В. Скворцов и др.)

В исследованиях, отнесённых к четвёртой группе, толерантность рассматривается как философская категория диалектического отражения социального поведения человека и его гармоничного взаимодействия с окружающим миром (В.А. Балханов, В.А. Васильев, Б.С. Гершунский, Г.Д. Дмитриев, Д.В. Зиновьев, С. Мендус, П. Николсон, Л.В. Скворцов, Б. Уильямс и др.). В них отмечается значимость образования в распространении толерантности. Это подчёркивает ответственность образовательных организаций по определению стратегий развития толерантности, формирования опыта гуманного и ненасильственного взаимодействия, реализации идей достойного отношения к человеку вне зависимости от психофизиологических особенностей.

В педагогике советского периода толерантность рассматривалась с позиций интернационализма (Н.К. Крупская, Л.В. Метелица, В.Г. Пряникова, М.А. Терентий, З.К. Шнекендорф и др.), а проблемы интолерантности в сфере религии, политики, субкультуры политкорректно замалчивались. В педагогике зарубежья принято говорить о толерантности к самым разнообразным проявлениям инаковости и самобытности, что нашло отражение в теории и практике поликультурного образования (Дж. Бэнкс, Я. Пэй, М. Уолцер, К.Э. Эпплайя). Поэтому из существующих философско-методологических подходов к изучению толерантности (конфликтный, онтолого-историцистский, морально-этический) с позиций нашего исследования особый интерес представляет аксиологический подход, трактующий толерантность как «ценность-в-себе» в двух контекстах: 1) как ценностное отношение к людям вообще; 2) как ценностное отношение к представителям любых социокультурных (этнических, конфессиональных, субкультурных) групп. Определение толерантности через ценностное отношение к людям не случайно, поскольку близко к пониманию терпимости к другим. В последнее время многие исследователи все чаще включают в понимание толерантности интерес к другому (Е.Ю. Клепцова) [6], принятие, уважение и утверждение культурных различий (Г.Д. Дмитриев), позитивный образ иной культуры (Н.М. Лебедева, Ф.М. Малхозова), настроенность на диалог с другим (Р.Р. Валитова), установку на взаимное изменение позиций в ходе диалога (В. Лекторский), сочувствие и сострадание к другому (А. Асмолов) [1], признание ценности многообразия культур (В.В. Глебкин, У.Г. Солдатова). Эти подходы важны для образовательной практики и тех учреждений, которые готовятся к обучению детей с особыми образовательными потребностями. В связи с этим, одной из центральных задач в развитии таких образовательных

учреждений является формирование у педагогов, специалистов, родителей педагогической толерантности, т. е. способности понять и принять ребенка таким, какой он есть, видя в нем носителя иных ценностей, логики мышления, иных форм поведения [2], воспитать у сверстников толерантное и уважительное отношение к детям с ОВЗ.

Насколько же ценность толерантного подхода свойственна педагогам инклюзивного образования? С целью получения ответа на этот вопрос в период с ноября 2009 г. по июнь 2013 г. в Амурской области было проведено исследование толерантности как компонента профессиональной аксиосферы педагогов инклюзивного образования или проходящих подготовку для этой работы. Для исследования были применены а) методика определения коммуникативной толерантности (В.В. Бойко); б) опросник «Эмпатические тенденции» (разработка А. Меграбяна, модификация Н. Эпштейна).

Анализ полученных данных показала, что более высокий уровень готовности к работе в инклюзивном образовательном пространстве выявлен у педагогов, имеющих а) низкие показатели консерватизма и категоричности (в пределах 1—4 баллов); б) низкие показатели стремления подогнать партнера под себя; в) высокие показатели терпимости к физическому или психическому дискомфорту, в котором оказался партнер; г) высокую приспособляемость. Отметим, что у 12 % педагогов эти показатели коррелируют с высоким или очень высоким уровнем способности личности к эмоциональному отклику на переживания других людей (эмпатия в пределах 63—81 баллов у 8 %; 82—90 баллов у 4 %). Аксиосфера этих педагогов характеризуется доминированием ценностных ориентаций на восприятие личности как ценности, стремление к развитию себя и других, активной жизненной позиции.

Представленные данные подчёркивают, что формирование толерантности обусловлено включением в аксиосферу педагогов ценностного отношения к человеку и совокупности психологических характеристик. Проявление толерантного отношения — это реализация своеобразной поведенческой модели в образовательной деятельности. Бесспорно, что недостаточно изложения некой правильной идеи толерантного поведения, после чего она начнет успешно реализовываться в обществе. Однако формирование моделей толерантного поведения всех субъектов образовательного процесса может заложить только такой педагог, который сам им следует.

Осмысление этой проблематики и синтез методических разработок по формированию толерантного отношения для отечественного образования представляет стратегически значимую цель.

Список литературы:

1. Асмолов А.Г. Толерантность от утопии к реальности // На пути к толерантному сознанию. М., 2000. — с. 5—7.
2. Гришук В.М. Формирование коммуникативной толерантности у студентов гуманитарных специальностей в вузе: дис. ... канд. пед. наук. Киров, 2005. — 346 с.
3. Декларация принципов толерантности // Век толерантности. — 2001. — № 1. — С. 62—68.
4. Золотухин В.М. Две концепции толерантности Кемерово: Изд-во КГТУ, 1999.
5. Касьянова Е.И. Социально-философские основания толерантности дис. ... д-ра филос. наук. Улан-Удэ, 2009. — 438 с.
6. Клепцов Е.Ю. Психология и педагогика толерантности. Уч. пособ. М.: Академический проект, 2004. — 176 с.

СЕКЦИЯ 4.

ИСТОРИЯ

4.1. ИСТОРИЯ РОССИИ

ИДЕИ ШЕЛЛИНГА В РОССИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Константинова Людмила Владимировна

канд. ист. наук, доцент КузГПА,

г. Новокузнецк

E-mail: lyciconstant@mail.ru

IDEAS SCHELLING IN RUSSIA AND THE GOVERNMENT POLICIES OF THE FIRST QUARTER OF THE XIX CENTURY

Ludmila Konstantinova

candidate of historical sciences, associate professor

of the Kuzbass state pedagogical Academy,

Novokuznetsk

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрено отношение правительства к распространению в России идей немецкой философии, в частности, философии Шеллинга. На основе сравнительно-исторического метода выявлены причины негативного отношения правительства к распространению идей немецкой философии в России в первой четверти XIX века. Философия Шеллинга формировала независимый тип мышления, что противоречило консервативному курсу правительства. Правительство опасалось, что вместе с немецкой

философией в Россию будет занесен дух свободолюбия, свойственный Европе 1820-х гг.

ABSTRACT

In this article the government's attitude to the spreading of the ideas of German philosophy, in particular, Schelling's philosophy. On the basis of the comparative-historical method identified the reasons of the negative attitude of the government to the spread of the ideas of German philosophy in Russia in the first quarter of the XIX century. Schelling's philosophy has formed independent thinking, which was contrary to the conservative course of the government. The government feared that together with German philosophy in Russia will be recorded spirit of freedom peculiar to Europe 1820 year's.

Ключевые слова: философия Шеллинга, просвещение, университеты.

Keywords: Schelling's philosophy, education, universities.

Появившись в начале XIX века в России, философия Шеллинга довольно долгое время оставалась достоянием небольшой части русского общества. Одной из причин являлись трудности, связанные с переводом произведений Шеллинга на русский язык, а попасть за границу в немецкие университеты имела возможность лишь незначительная часть российской интеллектуальной элиты. Еще одним серьезным препятствием являлась незавершенность философской системы Шеллинга, заметная эволюция его политических и научных воззрений в сторону консерватизма. Не последнее место среди причин, мешавших распространению шеллингианских идей в русском обществе, занимает отношение к философии правительства: от терпимого до негативного. На последней причине мы остановимся подробнее.

В политике министерства народного просвещения с середины 1810-х годов немецкая философия, в частности шеллингианство, стала подвергаться гонениям. В первую очередь пострадали российские университеты. В 1814 году министр народного просвещения граф А.К. Разумовский указал Совету Харьковского университета о недопустимости распространения в стенах учебного заведения учения Шеллинга. Подобное указание было связано с «делом» профессора университета И.Е. Шада, обвиненного в пропаганде идей Шеллинга. Следствием двухлетнего процесса стала отставка профессора и высылка его с семьей за границу в декабре 1816 года. Дело И.Е. Шада стала одним из аккордов в компании против ряда иностранных профессоров, таких как И.Ф. Буле в Московском

университете и Г.Ф. Паррота в Дерптском университете, обвиненных в пропаганде новейших философских систем [2, с.479—480].

Правительственные гонения на немецкую философию в конце 1810-х годов в немалой степени были связаны как с разочарованием императора Александра I в возможности осуществления либеральных преобразований в России, так и с политическими событиями в Европе. В указанный период в германских государствах усиливается национальное и общественное движение, в котором активное участие принимают студенты немецких университетов. В сентябре 1819 года по инициативе австрийского канцлера Клеменса Меттерниха в Карлсбаде была проведена конференция германских государств, на которой было принято решение запретить существование тайных обществ в германских университетах и усилить контроль за общественной и частной жизнью профессуры и студентов. В качестве исключительной меры допускалось увольнение профессоров и исключение студентов из университетов. Одним из профессоров, протестовавших против «карлсбадских конвенций» являлся Ф.В.Й. Шеллинг. Его политические воззрения в начале XIX века не отличались радикализмом, он был противником революции, но выступал за свободу мысли и научного творчества. Этого оказалось достаточно для негативного отношения в российских правительственных кругах к философии Шеллинга. Изучение новейшей немецкой философии в России воспринималось как некое проявление бунтарства. Во внутренней политике России конца 1810-х годов постепенно происходит усиление консервативных черт, что в первую очередь отразилось на народном просвещении. В 1816 году новым министром просвещения становится А.Н. Голицын, занимавший к этому времени пост обер-прокурора Святейшего Синода и возглавлявший Библейское общество. Новый министр своей главной целью считал укрепление в обществе христианского благочестия в русле положений Священного союза. Преподавание всех гуманитарных наук, включая философию, должно было осуществляться в религиозном духе. Хотя А.Н. Голицын был отставлен от должности в 1824 году, отношение к изучению немецкой философии в России не изменилось и в последующий период.

В 1823 году попечитель Казанского учебного округа М.Л. Магницкий пишет серию докладных записок и писем в министерство просвещения, а в 1826 году, после отстранения от должности, в III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. По глубокому убеждению автора, немалую роль в распространении разрушительных начал в обществе, особенно,

в народном воспитании, сыграла философия, которая «есть не что иное как настоящий иллюминатизм» [1, лл. 36—36 об.]. М.Л. Магницкий, анализируя в одной из своих записок состояние философии в Европе и пути ее проникновения в Россию, был твердо убежден в том, что немецкие философские идеи ведут сначала к материализму, а затем и к атеизму. В качестве неотложной меры он предлагал запретить изучение в университетах трудов многих зарубежных ученых, всего около двух десятков фамилий. К их числу М.Л. Магницкий отнес немецкого естествоиспытателя Л. Окена, ученого, историка и публициста Я. Герреса. Оба автора были последователями идей Шеллинга, труды которого М.Л. Магницкий также включал в свой список [1, лл. 99 об., 101].

Примечательно, что в одном из старейших университетов России в Московском университете в начале 1820-х годов отсутствовала кафедра философии, и систематически данный курс студентам не читался. Руководству министерства народного просвещения Московский университет представлялся гнездом «якобинства», средоточием той части молодежи, которая была пропитана либеральными идеями. В 1826 году более 10 % привлеченных по делу декабристов являлись выпускниками Московского университета и Московского университетского благородного пансиона [3, с. 57]. Именно поэтому на профессию и студенчество данного университета было обращено особое внимание. Преподававшие в Московском университете профессора М.Г. Павлов и И.И. Давыдов были горячими сторонниками учения Шеллинга и проводниками его идей среди учащейся молодежи.

Иван Иванович Давыдов увлекся философией в стенах Московского университета, где в 1808 году слушал лекции профессора И.Ф. Буле. После защиты магистерской диссертации в 1814 году преподавал российскую словесность, нравоведение, логику и историю философии в Московском университетском благородном пансионе, совмещая преподавательскую работу с должностью инспектора пансиона в течение 8 лет. И.И. Давыдов был автором пособия «Начальные основания логики», опубликованного в 1821 году. Книга обратила на себя внимание попечителя Казанского учебного округа М.Л. Магницкого, написавшего в мае 1823 года докладную записку в министерство. В записке автор назвал Давыдова «врагом Божиим», а его труд — разрушительным для юношества [1, лл. 35—36]. Таким образом, при министерстве А.Н. Голицына И.И. Давыдов не был утвержден в должности профессора кафедры умозрительной и практической философии, несмотря на попытки Совета университета представить его кандидатуру. В 1822 году Давыдов был утвержден

ординарным профессором кафедры латинской словесности и древностей. Возможность преподавать философию у Давыдова существовала только в стенах пансиона, где он своими лекциями оказал влияние на ряд воспитанников. Философское мышление Давыдова не отличалось глубиной, было во многом эклектично. По меткому замечанию П.Н. Сакулина, «в философском кубке Давыдова была добрая смесь разных составов, а наверху плавала взбитая пена шеллингианства» [4, с. 44]. Тем не менее, Давыдов стремился извлечь из идей Шеллинга рациональное зерно, игнорируя натурфилософские «красоты» последнего. Будущий основатель философского «Общества любомудрия» В.Ф. Одоевский и его друзья по пансиону С.П. Шевырев и В.П. Титов сделали первые шаги на литературном и философском поприще под руководством И.И. Давыдова.

В 1826 году в Московском университете была предпринята еще одна попытка восстановить кафедру философии под руководством И.И. Давыдова. По представлению попечителя учебного округа А.А. Писарева новый министр А.С. Шишков дал согласие на преподавание логики и истории философии, при условии контроля со стороны попечителя и использовании в преподавании предмета рекомендованных правительством учебных пособий. Пробная лекция И.И. Давыдова на тему «О возможности философии как науки», была прочитана 12 мая 1826 года в присутствии должностных лиц университета, ревизора С.Г. Строганова и студентов. Она отличалась пафосом и критичностью тона в отношении коллег, осуждала эмпиризм в науке, содержала призыв изучать философию по новейшим трудам европейских и русских ученых. В тексте лекции содержались ссылки на труды Шеллинга и его русских последователей, в частности на сочинения профессора-шеллингианца А.И. Галича, уволенного к тому времени из Санкт-Петербургского университета за пропаганду «вольномыслия». По личному распоряжению С.Г. Строганова, чтение курса было запрещено, вплоть до 1845 года философия в Московском университете не преподавалась как отдельная дисциплина. Давыдов был уволен с должности инспектора пансиона, на несколько лет был лишен права преподавать гуманитарные дисциплины [2, с. 134—136].

К середине 1820-х годов немецкая философия, в частности шеллингианство, все более активно распространяется в России. Незавершенность философской системы Шеллинга, вера в бесконечность пути познания, стремление к универсальному постижению истины, активность творчества и свобода выбора, — все эти идеи были восприняты творческой частью российской интеллигенции. Шеллин-

гианство стремилось создать представление о личности с независимым, раскрепощенным мышлением. Именно эта черта привлекала молодежь и одновременно настораживала правительственные круги. Профессора-шеллингианцы подвергались гонениям, их лекции запрещались. Данная философия противоречила правительственному курсу, ориентированному на традиционализм и консерватизм.

Список литературы:

1. ГАРФ. Ф. 109. Секр. архив. Оп. 3. Ед.хр.880.
2. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, — 2002. — Т.2. — 815 с.
3. Петров Ф.А. Формирование системы университетского образования в России. М.: Изд-во Моск. Ун-та, — 2003. — Т. 3. — 480 с.
4. Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма. Князь В.Ф. Одоевский. М., — 1913. — Т. 1. — 616 с.

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ ПИТАНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ ИМАНСКОГО УЕЗДА
ПРИМОРСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРИОД ЗАСЕЛЕНИЯ:
ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Самохина Людмила Сергеевна

*заведующий кафедрой сервиса, строительства и дизайна
филиала федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего профессионального образования
«Владивостокский государственный университет экономики и сервиса»,
в г. Артеме*

E-mail: samohina_lud@artem.vvsu.ru

Отставная Людмила Александровна

*преподаватель, филиала федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего профессионального образования
«Владивостокский государственный университет экономики и сервиса»,
в г. Артеме*

E-mail: otstavnaya@artem.vvsu.ru

**ORIGIN OF CATERING ESTABLISHMENTS
IN THE TERRITORY OF THE IMANSKY COUNTY
OF PRIMORSKI REGION AT A SETTLEMENT PERIOD:
HISTORICAL PERSPECTIVE**

Lyudmila Samokhina

*head of Service, Construction and Design Department of branch of Federal
State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education
“Vladivostok State University of Economics and Service”,
Artem*

Lyudmila Otstavnaya

*teacher of branch of Federal State Budgetary Educational Institution
of Higher Professional Education “Vladivostok State University
of Economics and Service”,
Artem*

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены вопросы заселения Иманского уезда Приморской области во второй половине XIX — начале XX вв. и зарождение предприятий питания на его территории. Методы исследования: хронологический и сравнительно-исторический. Дана краткая характеристика типов предприятий питания, их становление и развитие. В результате исследования установлено, что заселение и освоение территории Иманского уезда Приморской области явилось предпосылкой зарождения предприятий питания и торговли.

ABSTRACT

The article deals with questions of the Imansky county of Primorski region's settlement at a certain period of history and initiation of catering establishments there. The research methods are chronological and comparative. A brief description of catering establishments' types and its development is given. During the research it was found that a settlement and a land development of the Imansky county of Primorski region appeared to be the supposition of initiation of catering and trade establishments.

Ключевые слова: Приморская область, Иманский уезд, заселение, предприятия питания, кабаки, трактиры, пивная, харчевни, столовые, чайные, рестораны.

Keywords: Primorski region; Imansky county; settlement; catering establishments; barrel house; pubs; beerhouse; cookshops; eateries; tea houses; restaurants.

Предприятия питания играют огромную роль в жизни современного общества, их основная цель — удовлетворение потребностей человека в пище. Пища занимает важнейшее место в системе жизнеобеспечения любого этноса и является одним из источников изучения истории народов. В связи с этим тема исследования является актуальной.

На протяжении столетий кабаки, трактиры, постоялый двор, харчевня и корчма представляли собой сеть провинциальных питейных заведений в разных местностях России. Данные заведения служили центром народной жизни, часто, будучи единственным местом, где люди разных социальных классов могли общаться друг с другом, с местным начальством, знакомиться с проезжающими [5, с. 137].

Целью исследования является анализ заселения одного из отдаленных и поздно заселявшихся районов — Иманского уезда

Приморской области и зарождения предприятий питания на его территории.

Объект исследования — общественное питание на территории Иманского уезда Приморской области (вторая половина XIX — начало XX вв.).

Предмет исследования — предприятия питания Иманского уезда Приморской области в дореволюционный период (1894—1917 гг.).

Гипотеза: заселение территории способствует развитию предприятий торговли и питания.

Методы исследования: изучение системы питания Приморской области на протяжении большого хронологического отрезка времени влечет за собой необходимость активного применения хронологического метода, предусматривающего анализ изучаемых процессов и событий по периодам, а внутри них — по проблемам. Применение сравнительно-исторического метода дает возможность изучать и сравнивать одновременные процессы.

На протяжении второй половины XIX — начала XX вв. административно-территориальное устройство Дальневосточного региона России неоднократно менялось под влиянием различных факторов: переселенческой политики царизма, социально-экономического развития, внешнеполитического курса правительства [1, с. 105].

Отмена крепостного права в России в 1861 году открыла эпоху массовых переселений из Европейской части страны в Сибирь и на дальний Восток, где имелись большие площади свободных земель для разработки земель и не было помещичьего землевладения [2, с. 26].

Начиная с 1899 г. волны колонизационного движения захватили земли северной части Южно-Уссурийского края — территорию нынешнего Дальнереченского района.

Новоселы-переселенцы, выходцы из левобережной Украины (Полтавской, Черниговской и Харьковской губерний), устремлялись на свободные земли.

Крестьяне переселялись из украинских губерний. Спасаясь от разорения, остатков крепостничества и малоземелья, крестьяне переселялись на окраины, где не было помещиков, имелись свободные земли и более благоприятные условия для развития крестьянского хозяйства. Для переселенцев предоставлены были льготы: право каждой переселившейся семье пользоваться 100 десятинами земли, без платы податей, право приобретать землю в собственность, с платой по 3 руб. за десятину, свобода от денежных и натуральных повинностей в течение 3 лет со дня водворения [2, с. 26].

Выбрали они места и недалеко от станции Иман Уссурийской железной дороги.

Первым появилось в 1899 г. селение Веденское, затем в 1900 — Звенигородка, Гондатеьвка (ныне Сухановка), в 1901 г. — Рождественское и Соловьевка.

Новоселы получили 100-десятинный земельный надел на каждую семью. В этих пяти селениях к концу 1902 г. проживало 816 мужчин и 860 женщин. В 1902 г. было образовано с отводом участка селение Стретенка [3, с. 5].

В 1904—1905 гг. из-за русско-японской войны переселенческое движение в Приморскую область почти прекратилось.

С 1906 г. в России начался период столыпинских реформ, когда правительство стало поощрять переселение безземельных и малоземельных крестьян на окраины Российской империи. В этих условиях в Приморскую область, и, в основном, в Южно-Уссурийский уезд хлынула волна переселенцев из Черниговской, Киевской, Пензенской, Тамбовской и других губерний, а также из Молдавии.

Основная масса переселенцев направлялась в северную часть Южно-Уссурийского уезда. Согласно данным переписи населения 1897 года основную часть населения Приморской области составляли крестьяне — 48,2 %, доля иностранцев (китайцев, корейцев, японцев) составляла практически 1/3—26,4 %, инородцы и казаки составили соответственно — 9,3 % и 8,3 %.

Официальные источники сообщали, что «в Приморской области большая часть свободных земель сосредоточена в подрайонах: Побережном, Иманском и Хабаровском... В Иманском подрайоне свободные доли имеются, главным, образом, в наиболее удаленных от железной дороги участках лесного характера». В представлении Приамурскому генерал-губернатору от 3 декабря 1907 г. военный губернатор Приморской области сообщал: «В текущем году влилось в Приморскую область и, главным образом, в Южно-Уссурийский уезд до 60000 душ переселенцев-крестьян, и Переселение двинулось сильнее других мест по рекам Иман и Ваку (ныне Средне-Уссурийский стан), из них до 32000 душ селятся по сказанным рекам... Усиленно ведутся переселенческие работы по нарезке земель и для будущих переселенцев...» [3, с. 6].

В 1908 г. для Приморской области был «установлен общий порядок переселения с содействием правительства, а именно исключительно по предварительном осмотре и зачислении за переселяющимися земель через особых ходоков; в предшествующие же два года сюда разрешалось свободное семейное переселение».

Крестьяне, переселившиеся из украинских губерний, где они буквально погибали от малоземелья, обрадовались широким просторам Южно-Уссурийского края, но столкнулись с суровыми условиями и другим укладом жизни. Людей пугала отдаленность участков, бездорожье, лесистый и гористый характер местности. Всего в 1909 г. в Приморскую область прибыло, по данным В.М. Кабузана, 18349 чел. обоего пола. В Южно-Уссурийском крае подавляющая часть переселенцев осела в северном Иманском подрайоне (1253 семьи в составе около 7130 чел. обоего пола), «однако новоселы разместились здесь в основном в уже существующих селениях» [4].

Переселенческое дело принесло и свой положительный результат. В Южно-Уссурийском уезде появились сотни крестьянских селений, и возникла настоятельная потребность в административно-территориальных преобразованиях.

Основным документом стал закон, одобренный и утвержденный верховной властью Российской империи. В фонде Российского государственного исторического архива Дальнего Востока хранится «Приказ августа 8-го дня 1909 г. № 354» военного губернатора Приморской области генерал-лейтенанта Флуга, в котором говорилось следующее: «17 июня 1909 г. Высочайше утверждены Законы, одобренные Государственным Советом и Государственной Думой.

В соответствии с этими законами и появлением сотен крестьянских селений возникла потребность в административно-территориальных преобразованиях Приморской области.

Образовать из Южно-Уссурийского уезда Приморской области три уезда: «Никольск-Уссурийский, Иманский и Ольгинский». Выше приведенный документ от 8 августа (22 августа по новому стилю) 1909 г. положил начало работам по определению границ Иманского уезда, фактически основанию его. Приамурским генерал-губернатором, по сообщению «Памятной книжки Приморской области на 1909—1910 гг.», были установлены следующие границы Иманского уезда: «с западной стороны — от устья р. Лефу по берегу озера Ханка до китайской границы, затем эта последняя, а частью — земли Уссурийского казачьего войска и до устья р. Бикин, впадающей в р. Уссури; с северной — р. Бикин до устья р. Алчан, далее водоразделом бассейнов рр. Алчан и Бикин до границ Удского и Ольгинского уездов; с восточной и южной сторон — границы Ольгинского уезда» [3, с. 7].

По вопросу о выборе административного центра Иманского уезда бывший начальник Южно-Уссурийского уезда старший советник А.В. Суханов 13 сентября 1909 г. высказал мнение, что «достаточно

взглянуть на карту современного развития крестьянских поселений в районе этого нового уезда, то будет совершенно ясно, что поселение за последние годы стало наиболее распространяться в долинах рек: Имана и Ваку и что главное ядро поселения нового Иманского уезда составит именно этот район... Центром этого поселения, куда так или иначе будет тяготеть как настоящее, так и будущее население по долинам рек Имана и Ваку, будет никакое другое поселение, как только поселение Иман у линии Уссурийской железной дороги. ...Последнее же, судя по данным настоящего времени, имеет все шансы в недалеком будущем образовать из себя поселение городское, поэтому и для района Иманского уезда нет другого более подходящего пункта, как поселение Иман» [3, с. 8].

С первого января 1910 г. центром Иманского уезда, в подчинении которого были Веденская и Ракитнинская волости, стал посёлок Иман.

Постепенно земля для иманских земледельцев становилась родной. С января 1913 г. управление селениями Иmano-Вакской долины подразделяется на две волости: Веденскую и Ракитнинскую. В Веденскую волость входило 12 селений: Веденка, Рождественка, Стретенка, Красное, Гондатыно (Сухановка), Ново-Троицкое, Семеновка, Добрыши, Олишевка, Петропавловка, Матвеевка. В Ракитнинскую волость входило 13 селений: Ракитное, Лобановка, Боголюбовка, Китай-Город (Междуречье), Третьяковка, Орехово, Малиновка, Ясная Поляна, Любитовка, Эльдо-Вак, Савиновка, Ариадное, Костгоково и участок Шаинский.

О том, какое жалкое существование влачила станица Графская, сообщал Генерального штаба подполковник Альфтан: «25 апреля 1894 г. команда охотников 8 батальона 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады, во время экспедиции по исследованию Уссурийского края, под начальством подпоручика Масленникова, прибыла в станицу Графскую. Вид станицы и ее жители не производят приятного впечатления: кривые, грязные домишки, кабачок, 3 лавки, где никогда не достанешь того, чего нужно» [3, с. 11].

Между тем, начальник работ по сооружению Уссурийской железной дороги инженер О.П. Вяземский докладывал военному губернатору Приморской области П.Ф. Унтербергеру следующее: «Главнейшим и наиболее существенным результатом работ по сооружению Южно-Уссурийской линии в 1894 г. было то, что строителям ее удалось, несмотря на все внешние и непредвиденные препятствия, довести в том году укладку рельсового пути и открыть движение поездов до Имана, т. е. до 387 версты... Этот

конечный результат составил собой целое событие не только в истории дороги, но и в жизни всего края.

«Возле реки Иман, — сообщала газета «Владивосток» 27 ноября 1894 г. — в 10 верстах от станции Муравьев-Амурской образовывается маленькое поселение из разных предпринимателей и подрядчиков железной дороги. Здесь строится железнодорожный мост и будет устроена пристань при устье Имана в Уссури. Место это обещает быть весьма бойким». Это газетное сообщение — самое первое свидетельство образования поселения Иман, которое возникло в сильно заболоченной местности, к тому же подверженной ежегодным наводнениям, что причиняло людям страдания и болезни.

«Путеводитель по Великой Сибирской железной дороге» сообщил о поселении Иман следующее: «В совершенно глухом, до 1894 г. неизвестном, уголке жизнь закипела сразу ключом. В несколько месяцев выросло местечко с гостиницами, магазинами, трактирами и целой улицей домов, а как предместье к нему присоединилась китайская деревня, прозванная Чифу по имени города, из которого прибывает большинство рабочих китайцев» [3, с. 12].

Рядом со станцией Иман располагались также казармы 1-го Уссурийского железнодорожного батальона, где, надо полагать, было организовано питание военных.

1907 г. Поселение при станции Уссурийской железной дороги Иман возникло благодаря географическому положению станции Иман, как узлового пункта, в котором сходятся Уссурийская железнодорожная линия и водный путь по Амуру и Уссури, быстрому образованию и росту поселения способствовали стоящий на Имани значительный военный гарнизон и ежегодное водворение в значительном числе переселенцев в ближайшем к Иману районе. (Сведения собирались в связи с циркуляром Главного управления по делам местного хозяйства № 40 от 1 декабря 1907 г. Номера вопросов пунктов при публикации опущены) [6].

В 1908 в поселении Иман числилось всего населения 4850 чел. По сословиям: чиновников — 25 чел., казаков обоего пола — 23, дворян — 2, мещан обоего пола — 100, крестьян — 2560 и иностранцев 2140 (в основном китайцев и японцев) [3, с. 12].

В поселении имеются: один лесопильный завод, один завод искусственных минеральных вод, пять спиртоочистительных складов, двадцать девять мануфактурных магазинов, пять бакалейных лавок, три трактира, одна гостиница, четыре ресторана, одна пивная, десять харчевен, две столовых с номерами, семь чайных, две фотографии,

восемь кузниц, девять сапожных и три портняжных мастерских, шесть пекарен и две бани [7].

Строительство железной дороги укрепило позиции Иманского уезда и дало еще больший толчок к усилению торгово-промышленной деятельности, это, в свою очередь, способствовало увеличению товарных ресурсов в уезде, повышению благосостояния населения. Что, в конечном итоге, создало хорошие предпосылки для развития предприятий питания. В результате проведенного исследования установлено, что с освоением территории и заселением Иманского уезда Приморской области появляются предприятия питания. И если в 1894 г. они были представлены кабачком и лавками, то к 1907 году уже появились трактиры, рестораны, пивная, харчевни, столовые, чайные.

Гипотеза подтвердилась. Заселение и освоение территории Иманского уезда Приморской области явилось предпосылкой зарождения предприятий питания и торговли.

Список литературы:

1. Асеев А.А. Особенности административно-территориального деления на Дальнем Востоке России / А.А. Асеев // История и культура Приамурья. — 2007. — № 1. — С. 105.
2. Деревянко А.П. Российское Приморье на рубеже третьего тысячелетия (1858—1998 гг.). Владивосток: Дальнаука, 1999.
3. Из истории заселения Дальнереченского района: документы и материалы. Владивосток: 2005. — 136 с.
4. Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII — начале XX вв. (1640—1917 гг.) / Историко-демографический очерк. М.: Наука, 1985. — 264 с.
5. Кимбалл А. Деревенский каба́к как зародыш гражданского общества во второй половине XIX в. / А. Кимбалл // Общественные науки и современность. — 2004. — № 6. — С. 137—146.
6. Петров А.И. История китайцев в России. 1856—1917 гг. СПб., 2003. — с. 154—157.
7. РГИА ДВ Ф. 702. Оп. 1. Д. 708. Л. 173—174.

4.2. ЭТНОЛОГИЯ

ОСОБЕННОСТИ КУЗНЕЧНОГО РЕМЕСЛА НА ГУЦУЛЬЩИНЕ (КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)

Городецкий Виталий Иванович

*аспирант кафедры этнологии и археологии, института истории,
политологии и международных отношений
Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника,
г. Ивано-Франковск, Украина
E-mail: vitoldkoval@mail.ru*

THE FEATURES OF BLACKSMITHING ON HUTSULSHCHYNA (END OF 19TH — IS BEGINNING 20TH — CENTURY)

Vitaliy Gorodetsky

*graduate student of department of ethnology and archaeology, i
nstitute of history, political science and international relations
of the Stefanyk Precarpathian national university,
Ivano-Frankovsk, Ukraine*

АННОТАЦИЯ

В статье проанализированы особенности кузнечного ремесла в особом этнографическом регионе Карпат — Гуцульщине. Прослежено сферы применения продуктовковки, в частности хозяйственно-производственную и магически-ритуальную. Обращено внимание на основные этапы развития кузнечного ремесла на территории Гуцульщины, особенно в период второй половины XIX — начала XX века.

ABSTRACT

The features of blacksmithing in a particular ethnographic region of the Carpathians — Hutsulshchyna are analyzed in the article. Is traced the application of forging products, including household-industrial and magic-ritual spheres. The particularly attention is focused on the main stages of

development of the blacksmithing in the Hutsulshchyna, especially during the second half of 19th — early 20th century.

Ключевые слова: гуцулы; кузнечное ремесло; техники обработки металла; орнаментальные знаки и символы; ковка; кованый крест.

Keywords: the hutsuls; blacksmithing; engineering processing of metal; ornamental signs and symbols; forging; forged cross.

Актуальность темы. **Гуцульщина** — историко-географическая область Украины, заселенная этнографической группой — гуцулами, которая охватывает горные районы Ивано-Франковской и Черновицкой областей и Раховский район Закарпатской областей.

Гуцульщина — уникальный этнографический регион Украины, где в силу многих обстоятельств, в условиях особенностей географической среды сформировался специфический быт и способ ведения хозяйства, сохранилась уникальная духовная культура и художественные традиции [4].

Ремесло традиционной обработки металла Гуцульщины, которое несомненно берет свое начало из давних времен, наивысшего развития приобретает во второй половине XIX — в начале XX века. Естественные условия на предгорных и горных территориях Гуцульского региона определяли соответствующие сферы хозяйственной деятельности, быта, социальных отношений. В частности, кроме скотоводства, гуцулы развивали и домашние промыслы, отдельным видом которого было кузнечное ремесло. С целью лучшей реализации домашних изделий на торгах и ярмарках гуцульских деревень, гуцулы постоянно работали над усовершенствованием технологии их изготовления. В наше время немногочисленные сохранные образцы гуцульских изделий из кованого металла предопределяют необходимость выхода за пределы искусствоведческого аспекта исследования проблемы сохранения кузнечного ремесла, поиск общих историко-теоретических основ его развития.

В своем развитии, насколько позволяет источниковедческая база, кузнечное ремесло гуцулов прошло несколько этапов. В частности, наименее выразительным есть большой доисторический период, который фиксируется лишь незначительным археологическим материалом фракийской и славяно-русской культур древнего населения карпатского региона.

В период Киево-русского государства (IX—XI век) и Галицкого, а потом Галицко-Волинского княжеств (XII—XIII век) кузнечное

ремесло Гуцульщины очевидно развивалось в единой древнерусской традиции. Этот период также представляется очень незначительным материалом, который не дает возможности выйти на более конкретные выводы.

В период польской оккупации, а затем правления Австрии и Австро-Венгрии (вторая половина XVIII—XIX века) кузнечное ремесло на Гуцульщине кроме развития своих традиционных техник изготовления предметов домашних изделий, было сориентировано и на отдельные новейшие приемы западноевропейского ремесла, а также на изготовление соответствующих новых предметов домашних изделий. Особенно эти новейшие влияния заметны в первой половине XX века, во время общеевропейского экономического подъема. Так, в 1929 году на Гуцульщине было большое количество ремесленников, в частности — 125 кузнецов, 23 жестянщиков, 17 слесарей и др. [5, с. 321]. На Западной Гуцульщине в 1926—1927 году было начислено 28 патентованных кузнецов [5, с. 352].

Особенной актуальности нашего исследования представляет то обстоятельство что, несмотря на бурное развитие художественного кузнечества, которое происходит в последнее время, ремесло народного (сельского) кузнеца на Гуцульщине практически исчезло. С другой стороны, возникло ремесло художественной обработки металла для обслуживания «Евроремонта» усадеб «новых гуцулов».

Анализ исследований. Проблема сохранения традиционной обработки металла Гуцульщины стала предметом заинтересованности этнографов, историков и искусствоведов, начиная со второй половины XIX века. Особенности изготовления металлических предметов на Гуцульщине описаны в исследованиях Д. Гобермана [3], автор указывает на сходство гуцульских изделий с археологическими древностями Киевской Руси. Исследуя народные металлические изделия Восточных Карпат, Л. Суха [6] весь вещественный материал разделяет на три группы: бытового потребления, украшения, конская сбруя. Подает богатый иллюстративный материал по вопросу традиционной обработки металла на Гуцульщине, а также отделки металлических изделий орнаментом, который является чрезвычайно важной базой для изучения. Ценным источником этнографии карпатского региона является труд В. Шухевича «Гуцульщина» [7], где собран материал из гуцульского фольклора и кроме того важное место отведено описанию металлических изделий. Чрезвычайно ценные труды С. Боньковской [1—2], при написании которых, автором использованные материалы полевых исследований, технические

данные металлографического анализа изделий, типологический и историко-сравнительный анализы.

На сегодня публикуются научные статьи, посвященные исследованию Гуцульщины, обычаям и верованиям горцев, традиционному декоративно-прикладному искусству. Но, невзирая на эти достижения, много аспектов материальной культуры гуцулов являются еще малоизученными, что касается и кузнечного ремесла.

Цель работы — всестороннее и объективное исследование традиционной обработки металла Гуцульщины через комплексный анализ литературных источников, музейных и фондовых материалов, полевых исследований.

Задание для решения данной проблемы предусматривает исследование кузнечного ремесла на Гуцульщине в соответствии с этапами его производственного процесса, используемого сырья, орудий труда, разных приспособлений, готовой продукции, особенностей технологического процесса.

Постановка проблемы. Анализ исследований современного состояния кузнечного ремесла показал, что на сегодняшнее время недостаточно научных разведок относительно исследования кузнечного дела на Гуцульщине, как украинского традиционного ремесла. В то же время возникает потребность в реконструкциях изготовленных гуцулами кованых бытовых и хозяйственных изделий, орудий труда, инструментов ремесленников.

Объект исследования — историко-культурологические и археологические материалы, связанные с кузнечным производством и промыслами населения украинских Карпат с древнерусского времени до наших дней.

Предметом исследования является кузнечное ремесло, составляющие производственного процесса, начиная от сырья, технико-технологических особенностей и до готовой продукции.

Изложение основного материала. Во второй половине Птысячелетия нашей эры, в Украине преобладало ремесленное производство. Среди распространенных видов народных промыслов — прядение, ткачество, обработка кожи, дерева и камня, ремесленный характер приобрело металлообрабатывающее производство, которое разделилось на металлургическое и кузнечное. Традиционные украшенные кузнечные изделия нашли применение в материальной культуре гуцулов, в оформлении жилищных и общественных сооружений — широкие, с острогами, полосы дверных навесов, ручки и скобы дверей, всевозможные фигурные поковки для повозок и саней, надкупольные храмовые кресты [3, с. 39]. Как отмечает С. Боньковская,

гуцульские кованные надкупольные кресты в своих конструктивной основе, как и сооружения, сохранили признаки ажурного архетипа [1, с. 96]. Немного отраслей народного художественного искусства могут себя показать в таком широком кругу разнообразных функций и техник выполнения, начиная от кузнечных операций к литью цветных металлов. Народные кузнецы были единственными производителями железных изделий, главных и необходимых орудий труда в сельском хозяйстве, хотя эта тема длительное время оставалась малоизученной. Вместе с распространением во второй половине XIX века дешевого фабричного железа, количество кузнецов по селам постепенно увеличивается.

Гуцульским мастерам, работавшим в области обработки металла, присущий талант украшать свои домашние изделия, начало которого достигает Древней Руси. Еще с дохристианских времен в мировоззренческих представлениях многих народов мира утвердилась вера в защитные обереговые свойства орнаментальных знаков и символов. Рудименты этих верований сохранились и теперь на Гуцульщине. Каждая эпоха, каждая национальная культура выработала свою систему орнамента — мотивы, формы, расположения на украшаемой поверхности. Поэтому, судя из использования орнамента можно определить, к какому времени и к какой стране относится то или иное произведение искусства.

Известно, что геометрические орнаменты относятся к древним символам, это первые символично-знаковые, пиктографические и иероглифические системы. Изучая геометрические и геометризируемые мотивы присутствующие на кованных изделиях гуцульских мастеров, видим унаследованные от далекого прошлого знаки и символы, связанные с архаичным мировоззрением наших предков. К самым распространенным мотивам геометрических орнаментов, какие мы наблюдаем в отделке кованных изделий, принадлежат ромбы, треугольники, розетки, квадраты, кресты разной конфигурации, зигзаги, а также разные комбинированные мотивы, образованные путем соединения основных. В отличие от польских кузнецов, которые обильно украшали свои изделия геометрическим и растительным орнаментами [8], жители Восточных Карпат использовали для украшения кованных предметов традиционную орнаментуку, характерную местным промыслам — резьбе по дереву, ткачеству, вышивке. При этом орнамент всегда был подчинен форме изделия.

Изучая особенности кузнечного ремесла на Гуцульщине, были организованы научно-исследовательские экспедиции по регионам карпатского края. В одной из таких экспедиций выявлена уникальная

технология изготовления инструментов труда: топоров, долот, серпов, ножей и тому подобное. Так мастер М. Ковальчук из с. Глинки Надворнянского района, сохранил и в неизменном виде продолжает развивать давнюю технологиюковки и закалки, которая применялась еще древнерусскими мастерами. Также мастеру известны давние техники скрепления деталей, которые были традиционными и применяемые гуцулами в кузнечном деле: клепание (ковка) — в холодном и горячем виде и сразу заклепывание. Одним из самых трудных моментов в работе есть скрепление между собой отдельных элементов. Чаще всего осуществляемое через «швайцевание» — кузнечная сварка, сковка на наковальне двух разогретых элементов. Еще мастер применяет метод скрепления с помощью, так называемой «связки», то есть скрепление с помощью опоясывающей оба элемента железной перевязи — «хомута». В его работах присутствует технология — заклепывание, когда в обоих выкованных элементах пробивают отверстия, после чего укладывают железную заклепку, оба конца которой расклепывают на наковальне. Для украшения изделий использует технику «обвалки», (то есть перебивка образцов на бляхе) гравировки и «штемпелевание» — нанесение рисунка разными штемпелями (чеканами). Вышеупомянутые техники выковывания и скрепления деталей предоставили характерную разнородность изделий. С целью обеспечения выполненных элементов от коррозии, в давние времена поверхность изделия покрывали смолой, а уже позже растительным маслом или пчелиным воском — техника (воронение). В начале XIX века в кузницах сырьем был прежде всего старый железный лом. Лишь во второй половине XIX века появились торговцы, которые поставляли железо и скупали у мастеров готовые изделия. Большую роль в обеспечении сельского населения железными изделиями играли цыгане. Это были преимущественно путешествующие ремесленники, которые чаще всего появлялись в селах вместе с цыганским лагерем. Проезжая через село продавали топоры, сапы, сковороды, замки, ножи. В своих путешествиях пользовались порою существующими в селах кузницами, в связи, с чем их умения проникали к местным кузнецам. В частности, эти данные взяты из свидетельств народного мастера М. Ковальчука, который всю свою жизнь занимался кузнечным ремеслом.

Выводы. Анализируя традиционную обработку металла на Гуцульщине, в частности кузнечное ремесло, мы обратили внимание на техники выполнения, которые в силу своих условий остались неизменными еще с древних времен, но уже модернизировались с применением современного оборудования.

Особенности кузнечного ремесла:

1. Регионально-локальные особенности кузнечного ремесла на Гуцульщине проявились в трактовке форм изделий со своеобразным декоративным стилем. Также присутствующая дохристианская традиция уважения к данной профессии.

2. В связи с малой концентрацией (многочисленности) населения в горных районах Карпат — кузнечное ремесло также имело ограниченное использование.

3. Ориентация хозяйства на скотоводство не предполагало широкое использование кузнечного ремесла, а в большей мере декоративно-прикладной характер в изготовлении украшений, литых из цветных металлов.

4. Традиционные и патриархальные условия жизни и быта, также не способствовали развитию кузнечного ремесла.

Оторванность населения от больших городских центров с их передовыми технологиями в развитии ремесла, предполагало долгое и повсеместное существование народного кузнечного ремесла, ориентированного на старые традиции. Их изучение дает возможность выявить эти древние приемы и методы, которые не сохранились в других регионах.

Будущее кузнечного ремесла на Гуцульщине, как и других народных промыслов, в значительной степени, зависит от умелого использования его традиций и художественного уровня. Имеется в виду сохранение традиционных техник обработки металла, художественно-стилевых особенностей декорирования изделий. Ни один из регионов Украины не обозначен таким богатством разновидностей металлообработки. Это возможно сделать не только через научные исследования, пополнения экспозиций музеев, создания частных коллекций, но и в организации мастерских для воссоздания опыта кузнечного дела, призвании к ремеслу молодых, талантливых народных мастеров, через традиционную форму передачи и сохранения профессиональных знаний — учебе ремесла.

Список литературы:

1. Боньковська С.М. Ковальство на Україні (19 — поч. 20 ст.) / С.М. Боньковська. К.: Наукова думка, 1991. — 109 с.
2. Боньковська С. Мандрівні ковалі // Східний світ. — 1995. — № 2; — 1996. — № 1.
3. Гоберман Д. Искусство гуцулов / Давид Гоберман. М.: Советский художник, 1980. — 210 с.

4. Іван Вах. До історії дослідження географії народних художніх промислів на Гуцульщині // Історія української географії. Всеукраїнський науково-теоретичний часопис. Тернопіль: підручники і посібники, — 2005. — Випуск 2. — С. 66—69.
5. Клапчук В.М. Гуцульщина та гуцули: економіка і народні промисли (друга половина XIX — перша третина XX ст.): монографія / Володимир Михайлович Клапчук; Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, Прикарпатський національний університет імені Василя Стефаника. Львів Івано-Франківськ: Фоліант, 2009. — 507 с.
6. Суха Л.М. Художні металеві вироби українців східних Карпат / Л. М. Суха. К.: АН УРСР, 1959. — 104 с.
7. Шухевич В. Гуцульщина / Володимир Шухевич. Верховина, 1997. — 159 с.
8. Roman Reinfuss. Ludowe kowalstwo artystyczne w Polsce. Wrocław, Akademia Nauk, 1983. — 288 s.

4.3. АРХЕОЛОГИЯ

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО АЛТАЯ

Соенов Василий Иванович

*канд. ист. наук, доцент ГАГУ,
г. Горно-Алтайск*

E-mail: soyonov@mail.ru

THE HISTORY OF RESEARCH THE ARCHAEOLOGICAL SITES OF NORTH-EASTERN ALTAI

Vasilii Soenov

*candidate of historical sciences, associate professor
of Gorno-Altai State University,
Gorno-Altai*

АННОТАЦИЯ

В работе систематизируются научные сведения об археологических исследованиях в Северо-Восточном Алтае. Отмечается, что эта физико-географическая провинция является на сегодня самой малоизученной на современной карте Республики Алтай: на его территории площадью более 15 тыс. кв. км известно всего около тридцати объектов. Между тем это маргинальная зона, существовавшая на границе различных культур и социальных общностей, требует особого изучения. Археологические памятники Северо-Восточного Алтая важны для воссоздания картины взаимодействия и взаимопроникновения древнего и средневекового населения южно-сибирской лесостепи и алтайских гор.

ABSTRACT

In this paper systematized scientific information on archaeological research in the North-Eastern Altai. It is noted that this physiographic province today is poorly known on a modern map of the Republic of Altai:

on its territory an area of over 15 thousand square kilometers are known only about thirty objects. Meanwhile, it is marginal zone, which existed on the border of different cultures and social communities, requires special consideration. Archaeological sites of the North-Eastern Altai are important for recreate the picture of the interaction and interpenetration of ancient and medieval population of southern Siberian steppe and the Altai Mountains.

Ключевые слова: Северо-Восточный Алтай, археология, археологические памятники.

Keywords: North-Eastern Altai, archeology, archaeological sites.

Работа подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ и Минобрнауки Республики Алтай «Исследование археологических памятников маргинальной горно-таежной зоны Северного Алтая» (№ 13-11-04601e(p)) и госзадания Министерства образования и науки Российской Федерации «Реконструкция систем жизнеобеспечения древних и традиционных обществ Горного Алтая» (№ 6.3494.2011).

Природно-географические условия Алтая обусловили его роль в древней и средневековой истории Евразии, как региона, в котором происходили важные этнокультурные процессы, сыгравшие ключевую роль в формировании многих современных народов. Свидетельством богатой истории Алтая являются типологическое разнообразие и высокая степень концентрации археологических памятников в долинах основных рек и межгорных котловинах.

В северной части Алтая количество выявленных памятников значительно меньше, а Северо-Восточный Алтай площадью более 15 тыс. кв. км (Чойский и Турачакский районы) является самой малоизученной в археологическом отношении географической провинцией на современной карте Республики Алтай. Это обусловлено спецификой его ландшафтов [11, с. 92—93]. Современная ландшафтная структура Северо-Восточного Алтая подразделяется на северную и южную части. Абсолютные высоты на севере провинции, где господствуют небольшие цепочки кряжей и отдельных гор, составляют 700—800 м. Широкие плосковершинные поверхности чередуются с обширными понижениями, занятыми долинами рек или болотами. В Прителецкой (южной) части провинции рельеф становится среднегорным (высоты 1200—1900 м), а на хребтах Алтын-Туу и Корбу появляются высокогорья. В Северо-Восточном Алтае слабо выражены экспозиционные различия в распределении почвенно-

растительного покрова. В северной части провинции преобладают низкогорные ландшафты с черновыми высокотравными лесами, в южной — темнохвойно-таежные среднегорья. В целом, лесами и Телецким озером занято более 90 % площади.

Первые научные сведения о памятниках, расположенных на восточном побережье Телецкого озера на границе Северо-Восточной и Восточной Алтайской физико-географических провинций, имеются в работах Н.М. Ядринцева, совершившего в 1878 и 1880 гг. поездки на Алтай для изучения русской колонизации, географии, этнографии и археологии края [6, с. 85; 7, с. 129]. Во время плавания по озеру ему удалось обследовать и описать каменную стену. Николай Михайлович писал, что «...на правом берегу против мыса Артал указаны нам были остатки инородческой древней крепости или укрепления, защищавшего Телецкое озеро. Характер этого укрепления весьма своеобразен; такова была защита, как видно, во всех горных местностях Алтая. Крепости называются «Шибе». Артал есть весьма крутая скала над озером; над нею ... тянется по берегу тропинка, соединяя два урочища Чейлгош и урочище Беле, доселе обитаемое, где находятся, так называемые Телецкие столбы или причудливые конгломераты из глины и камней; тропинка огибает таким образом озеро и служит единственным путем сообщения, где проходят пастухи и стада. На этой тропинке, саженях в 300 от мыса, устроена была защита, чтобы преградить тропинку. Сама тропинка была завалена камнем... Далее по скату, поперек берега, шла каменная насыпь, доходившая до 2 и 3 аршин; она примыкала снова к крутой скале, мимо которой дальнейший путь был невозможен. Остатки этого каменного вала существуют доселе: за ним скрывались защищавшие проход и из-за него пускали тучи стрел. Мало того, предание говорит, что на вершине горы, на обрывах, была устроена засада из груды камней, скрепленных подпорками, но так, чтобы могла быть во всякое время обрушена. Когда подходил неприятель, то сверху на него обрушивалась масса тяжестей. Говорят, что крепость эта защищала телесов во время нападения на них кара-соенцев, которые были таким образом опрокинуты и загнаны в озеро. Вид и положение этой крепости нами представлены на рисунке, как и чертеж Телецкого озера» [21, с. 190—191]. Однако нам неизвестны «рисунки» укрепления, выполненные Н.М. Ядринцевым.

Реальное археологическое изучение Северо-Восточного Алтая началось в 1924 г., когда экспедицией С.И. Руденко были произведены небольшие раскопки на Артыбаше, материалы которых хранятся сейчас в Гос. Эрмитаже (коллекция № 4208) [3, с. 62]. В 1925 г.

сотрудник экспедиции А.Н. Глухов (Глушков) зафиксировал в урочище Беле на юго-восточном побережье Телецкого озера изваяние тюркского времени «... у паскотины с. Билэ, в 200 саж. От берега озера». Изваяние выполнено на плите крупнозернистого известняка. Из монолита выделена голова, хорошо различимы детали лица. Правая рука держит перед грудью сосуд, а левая — на животе [8, с. 123].

После этого длительное время данный район не изучался археологами. Систематические исследования начались там только во второй половине XX в. Начало второго этапа археологического исследования Северо-Восточного Алтая связан с деятельностью Б.Х. Кадикова. В 60—70-х гг. Борисом Хатмиевичем обнаружены и обследованы в Турачакском районе около десяти археологических памятников: Турачакская писаница; поселения Юрток, Дмитриевка, Телячки, Лебедь-1, Сия, Иогач, Мыс Щучий и др.

В конце 70-х гг. Б.И. Лапшин обследовал ряд палеолитических памятников на р. Бие: Малиновая Горка, Озеро-Куреево, Малый Иконостас, Сухаревская Горка.

Материалы разведок Б.Х. Кадикова и Б.И. Лапшина практически не опубликованы и хранятся в фондах Бийского краеведческого музея. Есть только упоминания об их полевых работах и небольшое сообщение [13, с. 11; 9, с. 18; 2, с. 38—40; 3, с. 62].

В 70-е гг. местными охотниками в двух гротах близ впадения р. Ложи в р. Уймен найдены «керамика, костяные части луков и другие предметы», которые были переданы в Институт истории, философии и филологии Сибирского Отделения Академии Наук СССР [5, с. 150]. Гроты были условно названы Первый и Второй Уйменские. Точное местонахождение гротов неизвестно. Материалы не опубликованы.

В 70-е гг. А.М. Малолетко обнаружил на Беле около метеостанции земляной курган, а в 1,5—2 км севернее ручья Барчик — поселение, на котором были собраны неорнаментированные фрагменты толстостенной керамики [10; 1, с. 38—39]. Материалы не опубликованы.

В 1976 г. экспедицией ИИФиФ СО АН СССР под руководством А.П. Окладникова на р. Бие изучалась Турачакская писаница с уникальными для Алтая изображениями животных, выполненными охрой [13, с. 11-21]. Памятник был обнаружен местными краеведами, в 1975 г. обследован Б.Х. Кадиковым. Расположен в 5 км выше райцентра по р. Бие, на левом берегу. Датируется эпохой бронзы.

В 1979 г. экспедицией ИИФФ СО АН СССР под руководством В.И. Молодина и В.Т. Петрина исследовалось поселение Лебедь-1,

обнаруженное в 1978 г. Б.Х. Кадиковым и Б.И. Лапшиным [9, с. 18—23]. Опубликованные материалы поселения относятся к эпохам ранней бронзы и раннего железа. Керамика поселения Лебедь-I, по мнению авторов, имеет сходство с крохалевской и большереченской. Историческая значимость полученных материалов состоит в том, что они свидетельствуют о факте связи населения Приобья и алтайских гор в разные периоды древности.

В 1982 году Н.Ф. Степановой обнаружены два памятника в Чойском районе: местонахождение Адыбан и небольшой одиночный курган Малый Адыбан [19, с. 64—65]. Памятники расположены в логу Адыбан к югу от с. Паспаул, близ слияния рр. Малая Иша и Адыбан. На местонахождении найдено несколько фрагментов неорнаментированной керамики периода раннего железа. Курган земляной, подовальной в плане формы, размерами 3,5х4 м, высотой до 0,3 м. С северо-восточной стороны кургана имеется неглубокий ровик. Датировка не установлена. Материалы не опубликованы.

В 80-е гг. Е.П. Маточкин обнаружил еще одно местонахождение рисунков на Бие, недалеко от первой писаницы. Турачакская писаница-2 находится на противоположном (правом) берегу реки, выше первой на 2 км [12, с. 20—23]. Памятник содержит рисунки быка и лося, а также знаки в виде креста, выполненные охрой. Датируется эпохой бронзы.

Большой вклад в изучение археологии Северо-Восточного Алтая внес В.Б. Бородаев. В 80-е гг. он обследовал местонахождение Баданное, поселения Мыс Щучий и Иогач [3, с. 62]. Материалы поселения Мыс Щучий были опубликованы В.Б. Бородаевым в соавторстве с Б.Х. Кадиковым в виде кратких тезисов, в котором они датированы двумя периодами раннего железного века (VIII—VI и V—II вв. до н. э.) и отнесены к разным группам населения, связанным с Верхним Приобьем. На основании полученных данных исследователи предположили, что «...таежные районы бассейна р. Бии от самых ее истоков выделяются в дальнейшем в особый, своеобразный локальный вариант большереченской культуры» [2, с. 38—40].

В 1990 г. Вадим Борисович посетил кордон Кокши для проверки сведений о поселении и осмотра места находки бронзового ножа местными лесниками Л.А. Шилкиным и Л.Г. Красниковым в 1979 г. при производстве земляных работ по спрямлению профиля дорожки [1, с. 39]. На террасе с садом В.Б. Бородаевым был заложен шурф, где на глубине 5—12 см были обнаружены мелкие неорнаментированные фрагменты стенок различных керамических сосудов, датированных им «железным веком». По мнению исследователя,

на мысовидной террасе, судя по характеру фрагментов керамики, имелся культурный слой, который был вытоптан.

Кроме того, В.Б. Бородаев 1) опубликовал бронзовые ножи VI—V вв. до н. э., найденные В.В. Селегеем на мысе Чичилган и вышеуказанными лесниками на кордоне Кокши; 2) записал от Т.Г. Дулькейт сведения о нескольких каменных стелах, имевшихся в довоенное время на полях урочища Беле, а также об еще одном изваянии, которое было повалено с помощью лошадей; 3) записал от А.Г. Гладкова информацию о том, что в 1930-х гг. на Беле было два или три каменных изваяния, в т.ч. сохранившееся на сегодня изваяние, а также лицевое изваяние высотой около полутора метров; 4) зафиксировал сведения о случайных находках керамики в Артыбаше и у турбазы «Золотое озеро»; 5) отметил находку К.А. Ананьиним в 1985 г. на пляже у пирса турбазы «Золотое озеро» шлифованного каменного тесла (АКМ, оф 14810/1); 6) привел сведения о бронзовом топоре, выкопанном при строительстве пиlorамы в с. Яйлю, предположив, что этой находкой может быть изделие с инв. № 5730, хранящееся в ГАОКМ (Национальный музей Республики Алтай — В.С.); 7) отметил сведения Т.Г. Дулькейт о находке близ Яйлю бронзовых кинжалов [1, с. 38—39; 3, с. 62—66].

В 1993 г. В.И. Соеновым, А.В. Эбелем и А.М. Глебовым в зоне предполагаемого затопления Уйменской ГЭС обнаружен и раскапывался памятник эпохи камня Нырна [15, с. 64]. Местонахождение находится в 10 км южнее с. Уймен, на мысу правого берега р. Нырна, около её устья. Большая часть местонахождения оказалась разрушенной при взрывных работах в ходе строительства дороги. На оставшейся части памятника нами были заложены траншея и два шурфа. В ходе раскопчных работ в слое 2 траншеи № 1 зафиксирована кладка из камней. Коллекция каменного инвентаря из раскопов представлена отщепами, пластинами, нуклеусом, заготовкой орудия, резцами, колотыми гальками. Судя по наблюдениям, сделанным в ходе раскопчных работ, а также типологическому и стратиграфическому анализу, местонахождение Нырна относится к кратковременным стоянкам Алтая периода верхнего палеолита. На это указывают отсутствие микролитического каменного инвентаря, характерного для мезолита-неолита; отсутствие керамики; залегание находок непосредственно над материком в слое суглинка; а также типологический состав инвентаря наиболее характерный для верхнепалеолитических памятников. Материалы исследований не опубликованы.

В 1998 г. В.И. Соеновым обнаружены два местонахождения Ыньрга I и II у одноименного села Чойского района, на левом берегу р. Ыньрга. На памятниках собрана коллекция каменного инвентаря из кремневых глинистых сланцев и халцедона, характерная для позднего палеолита, включающая отщепы, два орудия и нуклеус [20, с. 13—16].

В 2000 г. В.И. Соенов зафиксировал поселение Тевенек в Турачакском районе. Памятник расположен на берегу Телецкого озера, к северо-востоку от устья р. Тевенек, на седловине у геодезического триангуляционного знака № 4599. В шурфе на глубине 20—25 см от дневной поверхности найдены каменное грузило от рыболовной сети и три фрагмента неорнаментированной керамики, предположительно периода раннего железного века. Фрагменты керамики представляют стенки лепных тонкостенных сосудов красноватого кирпичного цвета. Плоское каменное грузило прямоугольной формы имеет просверленное отверстие в виде двусторонней воронки [17, с. 107—108; 18, с. 49—52].

В тот же период нам стали известны сведения о находке бронзового серпа в Артыбаше при строительстве дома Бровкиных. Судя по устному описанию, эта находка датируется эпохой бронзы. К сожалению, информация осталась непроверенной.

В начале 2000-х А.П. Бородовский посетил устье р. Челуш на восточном побережье Телецкого озера. Он отметил там курганный могильник и поселение периода развитой бронзы с керамикой, украшенной гребенчатым орнаментом [4, с. 35].

В 2008 г. Г.П. Самаевым обследованы остатки укрепления на мысе Артал, которые были отмечены в XIX в. Н.М. Ядринцевым. Он составил схему и описание этого фортификационного сооружения [14, с. 79—80]. Кроме того, Г.П. Самаев осмотрел вышеописанное изваяние на Беле и стелу в виде невысокой каменной плиты, стоящую рядом с этим изваянием.

По сведениям, предоставленным нам Н.Ф. Степановой, в Бийском краеведческом музее хранится случайно найденный на р. Ушпа у с. Дмитриевка средневековый железный наконечник стрелы, а в Национальном музее Республики Алтай имеется керамический сосуд верхнеобской культуры, найденный на скале в тайге по р. Ише.

Итак, первые научные сведения об археологических памятниках Северо-Восточного Алтая относятся еще к началу 80-х годов XIX века. Но детальные археологические исследования до сих пор там не производились, хотя участок, ограниченный границами физико-

географической провинции, несомненно, был заселён людьми с самых древнейших времён. Об этом свидетельствуют памятники, выявленные к настоящему времени.

На территории Чойского и Турачакского районов на сегодня выявлено около трех десятков археологических объектов, но эти памятники, несмотря на небольшую численность, являются важной частью историко-культурного наследия народов Республики Алтай. Не все обнаруженные памятники учтены республиканскими органами охраны объектов культурного наследия: только на несколько из них составлены первичные учетные документы (карточка, паспорт). В федеральном списке региона, т. е. «Перечне объектов культурного наследия федерального значения, расположенных на территории Республики Алтай», значатся четыре памятника Турачакского района: местонахождение Малый Иконостас, поселение Сухаревская горка, Турачакские писаницы.

Обследованные объекты принадлежат различным периодам истории человечества. Наиболее ранние памятники (местонахождения и стоянки) относятся к эпохе камня. Они датируются периодом верхнего палеолита — неолитом. Памятники периода бронзы, раннего железа и средневековья (IV тыс. до н. э. — XVII в. н. э.) представлены поселениями, курганами, изваяниями, стелами, остатками укрепления и случайными находками. Выявленные виды объектов единичны, поэтому сложно судить об особенностях их расположения и топографии. Но в целом они, также как и памятники других регионов, связаны с террасами рек (особенно приустьевыми участками), а также террасами берегов Телецкого озера, естественно, за исключением таких специфических объектов как Уйменские гроты и Турачакские писаницы.

Таким образом, из-за труднодоступности, обусловленной главным образом густым лесным покровом и гористой местностью, территория Северо-Восточного Алтая слабо исследована археологами. Многие участки вообще не посещались специалистами и до сих пор остаются совершенно не обследованными. К тому же методы поиска, используемые на территории других районов Республики Алтай, отличаются из-за разницы в ландшафтной структуре и не всегда могут быть достаточно эффективными для археологического поиска в данной физико-географической провинции. Мы убеждены, что археологические работы, планомерно проведённые в Северо-Восточном Алтае, не только позволят выявить новые археологические объекты, но и дадут возможность усовершенствования методов поиска и исследования памятников данного района.

В настоящее время существует крайняя необходимость археологического обследования Северо-Восточного Алтая не столько из-за ее малоизученности, а из-за того, что хозяйственная, строительная и прочая деятельность, связанная с земляными работами создаёт угрозу разрушения ещё не открытых памятников археологии. Исследования показывают, что разрушения или повреждения археологических объектов Чойского и Турачакского районов происходит, как в результате естественных процессов, так и антропогенного воздействия. Но основное негативное воздействие на памятники оказывает хозяйственная деятельность людей: строительство домов, турбаз; прокладка коммуникаций (дорог, мостов; кабелей, труб); распашка; и т. п. В удовлетворительной сохранности находятся только объекты, расположенные в труднодоступных местах.

Современное состояние археологического изучения Северо-Восточного Алтая можно оценивать, как находящееся на начальной стадии накопления и осмысления источников и материалов. Археологические памятники этой физико-географической провинции требуют особой тщательности в изучении, поскольку они важны для воссоздания картины взаимодействия и взаимопроникновения древнего и средневекового населения южно-сибирской лесостепи и алтайских гор. Специалистам предстоит большая научная работа по комплексным исследованиям с применением современных технологий и подходов. Именно такие исследования позволят обоснованно решить актуальные проблемы хронологии и периодизации памятников, а также вопросы этнокультурогенеза населения этой маргинальной зоны таежного Алтая, существовавшей на границе различных древних и средневековых археологических культур и реальных социальных общностей, от эпохи камня до этнографического времени.

Список литературы:

1. Бородаев В.Б. Археологические памятники восточного побережья Телецкого озера // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. Горно-Алтайск: ГАГПИ, 1992. — С. 38—39.
2. Бородаев В.Б., Кадиков Б.Х. Находки у поселка Иогач на Телецком озере // Скифская эпоха Алтая. Барнаул: АлтГУ, 1986. — С. 38—40.
3. Бородаев В.Б., Селегей В.В. Бронзовый нож с мыса Чичилган на Телецком озере // Охрана и использование археологических памятников Алтая. Барнаул: АлтГУ, 1990. — С. 62—66.

4. Бородовский А.П. Археолого-этнографические исследования по туристическому маршруту «Алтайская одиссея» // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: БГПУ, 2003. — Выпуск XIII. — С. 33—39.
5. Вистингаузен В.К. Спелеоархеология Алтая // Археология и этнография Алтая. Барнаул: АлтГУ, 1982. — С. 137—156.
6. Демин М.А. Первооткрыватели древностей. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1989. — 120 с.
7. Исследователи Горного Алтая (XVII — середина XX в.): биобиблиографический справочник. Горно-Алтайск: Инст-т алтаистики им С.С. Суразакова, 2003. — 136 с.
8. Кубарев В.Д. Древнетюркские изваяния Алтая. Новосибирск: Наука, 1984. — 230 с.
9. Лапшин Б.И., Молодин В.И., Петрин В.Т. Поселение Лебедь-1 в Горном Алтае // Археология и этнография. Барнаул: АлтГУ, 1982. — С. 18—23.
10. Малолетко А.М., Рычков Ю.В. Методические указания по учебной и производственной практикам в системе детского туризма для студентов 2, 3 и 4 курсов специальности «География». Томск: ТГУ, 1981. — 32 с.
11. Маринин А.М., Самойлова Г.С. Физическая география Горного Алтая. Барнаул: БГПИ, 1987. — 109 с.
12. Маточкин Е.П. Новые петроглифы Бии // Памятники древних культур Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: ИИФФ СО АН СССР, 1986. — С. 20—23.
13. Окладников А.П., Молодин В.И. Турочакская писаница (Алтай, долина р. Бии) // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1978. — С. 11—21.
14. Самаев Г.П. Укрепления Уйтгу-Каи, Тоолока и Артала // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, — 2008. — Выпуск 7. — С. 78—87.
15. Соенов В.И. Археологические памятники Чойского района РА // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск: АКИН, — 2005. — Выпуск № 2. — С. 64—66.
16. Соенов В.И. Изучение крепостей и городищ в Горном Алтае // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул: АлтГУ, 2004. — С. 337—340.
17. Соенов В.И. Разведки на северном побережье Телецкого озера // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: БГПУ, — 2003. — Выпуск XIII. — С. 107—108.
18. Соенов В.И. Результаты разведочных работ на северном побережье Телецкого озера // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, — 2004. — № 12. — С. 49—52.

19. Степанова Н.Ф. К археологической карте Горного Алтая // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. Барнаул: АлтГУ, 1995. — С. 62—66.
20. Чевалков Л.М., Соенов В.И. Два местонахождения с каменным инвентарем на северо-востоке Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск: ГАГУ, — 2002. — № 8. — С. 13—16.
21. Ядринцев Н.М. Описание курганов и древностей. Путешествие по Западной Сибири и Алтаю в 1878 и 1880 г. // Древности. Труды МАО. М., 1883. — Т. IX. — Вып. 2—3.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК: СОЦИОЛОГИЯ,
ПОЛИТОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ИСТОРИЯ**

Сборник статей по материалам
XXIX международной научно-практической конференции

№ 9 (29)
Октябрь 2013 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 14.10.13. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 5,875. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3